

МИР СЕРОЙ
НОЩИ

3

Кирнос С.В.

Восхождение к власти
падение «ангелов»

2020

Степан Кирнос

**Восхождение к власти:
падение «ангелов»**

«Автор»

2020

Кирнос С. В.

Восхождение к власти: падение «ангелов» / С. В. Кирнос —
«Автор», 2020

Империя Рейх достигла пика завоеваний. Крестовый поход, получивший светоносное начало в Неаполе, спаливший праведным огнём всех непокорных юга старого света, столкнулся с равным противником в лице страны вольных нравов и сынов коммунизма. Данте вынужден отправиться на север, чтобы отстоять честь страны в жестокой войне в тяжёлых битвах. Служба и подвиги возвысили его, сделав капитаном роты. Парень, родом из трущоб и помыслить не мог, что станет офицером в одной из самых могущественных армий. Однако даже он не может предположить, что главный враг находится глубоко в тылу... там, где их принимали с распростёртыми объятиями. Никто не смог увидеть признаков грядущей катастрофы. Дома чают его возвращения жена и дочь. Это его опора в мире, полном губительного хаоса и бесчеловечного порядка. Сможет ли он их спасти от кровожадных предателей? Или Данте ждёт безумие человека, потерявшего смысл жизни?

© Кирнос С. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Глава 1. Конец «Святейшего крестового похода»	9
Плохой день	9
Коршуны свободы	27
Красные ястребы	45
За флягой крепкого «чая»	51
Глава 2. Поветрие непокорности	56
Глава 3. Горечь битвы	64
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Степан Кирнос

Восхождение к власти: падение "ангелов"

«Сепаратисты и националисты... они не видят ничего дальше собственных прихотей. Они живут в мечтах, что если они завоюют независимость, то заживут будто в раю. Но это жестокий обман. Любой мятеж – это желание обокрасть и ограбить ближнего, который не согласен с идеями сепаратного большинства, а сепаратизм – это мечта не только обокрасть, но и жить обособлено, исполняя свои мелкие хотелки. Любой националист не хочет признать суровую правду – то, что он живёт плохо не «заслуга» центра, а его местной власти. И когда этим слепцам удаётся свершить задуманное, приходит страшное осознание – центр ушёл, но местная власть осталась и возымела полную силу».

– Сарагон Мальтийский. Чёрный Оракул.

«Современный сепаратизм как политическая программа и как насильственное действие основывается на ложно трактуемом принципе самоопределения: каждая этническая общность должна иметь собственную государственно оформленную территорию. На самом деле такого смысла нет ни в правовой теории, ни в международно-правовых документах. Последние трактуют право народов на самоопределение как уважение существующей системы государств и право территориальных сообществ (а не этнических групп) определять систему управления согласно демократически выраженной воле населения».

– Из бюллетени Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов докризисной эпохи.

Предисловие

Эта книга часть литературной вселенной «Мир серой ночи», история произведения расскажет о случившемся после событий книги «Восхождение к власти: город «бога».

Великая Империя, имя которой Рейх, строится ошеломительными темпами. Бывшие – Италия, Испания, юг Франции, западные Балканы – всё это теперь в руках того, кто именуется Канцлером и императором. Великие армии наступают по всем фронтам, сметая остроги и крепости нечестивого порядка прошлых времён. И кажется, что вот-вот над Европой засияет солнце нового порядка.

Но славный крестовый поход Канцлера прекращается, когда он встречается с новыми державами века сего и вынужден им противостоять, только это уже не старые разрозненные царства и группировки, а настоящие машины войны, с которыми нужно будет считаться. И всё же, главный враг, злейший и циничный противник, как по иронии, редко, когда оказывается не за линией фронта. Все понимают, что война скоро закончится, мир становится всё более тесным и огромные идейные Империи занимают всё больше пространства. Но зло старых порядков не дремлет и выжидает, когда можно будет снова поднять голову.

Посреди битв и политических дрызг оказывается парень по имени Данте, бьющийся за честь и славу родины, чей стяг носит двуглавого чёрного орла, под сенью святого креста. Он давно уже не молод, у него семья, но на его сердце всё равно лежит долг службы императору и новому порядку. Но на этот раз ему придётся столкнуться с самым опасным врагом – с тем, который внутри страны. Вновь ему придётся сразиться за родину и мир, только на сей раз цена может оказаться слишком высока.

Пролог

Афины.

Торжественная обстановка, приятный вечер, долгожданный мир на землях разрозненной Греции и собрание мироправителей – вот чем запомнится этот день, как проклятый в истории Империи. Великий Рейх, раскинувшийся от края до края Европы сегодня идёт на беспрецедентные уступки ради одного региона, который решился добровольно войти в состав страны скопом разбитых владений.

В большой зале собралось множество людей – тут и в официальных костюмах государственные чиновники двух сторон, и облачённые в чёрные рясы священники Империи, пришедшие, чтобы соблюсти чистоту намерений, отражённых в договоре. Все они сидят на резных деревянных тронах с одной стороны, а с противоположной стороны возвышается мраморный стол с двумя стульями, на котором уже лежат два подготовленных экземпляра договора. Справа и слева громоздятся массивные стены с балконами, облицованные гранитной плиткой, а ложа, откуда уставлены взгляды сотен людей, держится могучими колоннами. Через широкие окна, в которых виднеется афинский порт и открываются прекрасные виды на морскую гладь и лучи утреннего солнца проникли вовнутрь, озаряя вместе с работой ламп помещение.

В воздухе повисли ароматы сладкого ладана, идущие клубами от тлеющего благовония, что раскалёнными углями лежит в кадилницах. Большие жаровни расставлены по углам, символизируя вознесение молитв Тому, Кто исправители пути греков, направив их в русло праведности. Всё вокруг затопил яркий свет и тьма, каждый уголок возможной темноты был освещён, всякий мрак был низвергнут из него – золотая люстра осветила всё.

По одну сторону небольшой «сцены» где воздвигнут стол стоит группа людей – высокий мужчина в чёрной одежде – сапогах, пальто, штанах и рубашке, в окружении восьми человек, на которых разные облачения, ставшие олицетворением устремлений души каждого.

– Смотрите мои сыновья, сегодня творится история, – сказал им мужчина в сапогах. Запомните, когда-нибудь, вы, совет из ваших побратимов сменит меня на посту повелителя. Я – не вечен, и вы станете моим наследием.

Мужчина делает шаг вперёд и оборачивается, кидая взор на тех, кто пришёл с ним. Обычно, холодный и неприятный взгляд того, кто правит огромной страной, пронизывает до самой души, но на этот раз он по странному мягкий и тёплый, а хлад в душе уступает место странному чувству, веющему греющим ощущением у сердца. Его тонкие, как кинжалы, уста распахиваются, но не льётся стальная ледяная речь, как к другим людям, а удивительно краткая:

– Ныне, решается судьба Греции, мои родные. Помните, что однажды вам придётся идти без меня, придётся возглавить Империю и понести её штандарт на север. Любимые мои дети, запомните этот момент, ибо он первый и единственный, когда я с кем-то договариваюсь.

С другой стороны стола стал идти среднего роста парень средних лет. На нём в ослепительном свете люстры сверкают золотые и серебряные нити, которым расшит пиджак, брюки и туфли светло-белого цвета. В самом конце по центру сцены выставлены два флага – один серый с чёрным орлом, а другой бежевый с кровавой молнией-зигзагом.

Голос Канцлера сделался немыслимо холодным, а взгляд едва ли не змеино-ледяным, когда он отстранился от «детей»:

– Господин Мастер-защитник, я удивлён, что афинянина выбрали представлять всю Грецию.

– Я тоже был удивлён, господин император, – присаживаясь за стол, ответил мужчина, уставив взгляд вдаль, на собравшихся людей. – Вы только посмотрите, сколько тут народу собралось?

– Знаете, весьма интересен тот факт, что вы согласились без войны войти в состав Рейха.

– Я всего лишь отражаю интересы греческой нации... и не в наших интересах вступать в противостояние с теми, кто может нас похоронить.

– Давайте вернёмся к официальным процедурам, – Канцлер подтянул к себе микрофон и голос его, усиленный колонками, разнёсся по всей зале. – Господа и дамы, – одно звучание этого голоса вызвало гробовую тишину и полноту внимания. – Сегодня мы собрались на подписании договора «О мире на Балканах». Думаю, этот торжественный момент войдёт в историю, как исключительный. Здесь и сейчас я заявляю, что новое объединение жителей Балкан в составе Империи станет только сильнее и крепче, и для него мы заключаем сегодняшней договор. Рейх оградит вас от всех невзгод, он станет вашим вечным защитником, вы же станете его верными подданными, – Канцлер затих, обращаясь к человеку, сидящему возле него. – Господин Мастер-защитник, я вас уверяю, что сегодня, вам, как гаранту исполнения договора, будет в дальнейшем возможность встать не просто во главе народа Греции, но и идти подле меня во всех делах моих.

– Спасибо, господин император, я весьма польщён вашими словами, – заявил во всеулышание представитель другой стороны; Император подумал, что в дрожи его слов, в эфемерном отвращении, которое зияет во взгляде, смог уловить тень предательства, но всё же решил отставить эти мысли в сторону.

– Хорошо, давайте огласим состав участников.

– Настоящим договором подтверждается, что Новая Спарта, Диктатура Аргуса, Демократический Афинский Полис, Эпир, Коринфский полис, Македонско-Фракийская Уния, Болгарский Южный Деспотат, Южная Краина Сербская и Косовский Автономный Регион присоединятся к Империи.

– Так же, – слово взял Канцлер, – я заявляю, что для поддержки власти новой Балканской Автономии, я обещаю рассмотреть вопрос о том, чтобы направить в этот регион три новых ордена. – После этих слов император взял ручку и одним лёгким движением провёл по бумаге, оставляя чёрный яркий след росписи и холодный голос обозначил. – Да будет между нами вечный мир.

– Да будет, – афинянин подеялся с места и так же, прежде чем заключить руку императора в рукопожатии, отметил согласие всего народа чёрной ручкой прописью на документе.

Зал также поднялся с места и в ликовании и восторге затопил помещение аккомпанементом аплодисментов. Все рады тому, что грядёт мир и на земле Греции больше не прольётся крови. Но никто не понимает, что только что это событие запустило цепочку страшных событий.

Глава 1. Конец «Святейшего крестового похода»

Плохой день

Спустя пять лет после событий пролога. День.

Середина третьего дня ознаменовалась страшными воплями на многострадальной земле практически в центре Европы, ставшей участком для грандиозного сражения. Три армии сошлись в кровавой бойне за будущее этого мира, и для Империи «Рейх» победа – это шанс продолжить крестовый поход, неся свои праведные идеалы дальше вглубь континента, сжигая огнём всех нечестивых и растлителей, мятежников и непокорных.

Чёрный десантный вертолёт, охваченный языками жаркого пламени, летит подобно комете, оставляя за собой шлейф дыма и огня. Обшивка и броня пробиты во многих местах, разорванные снарядами автопушек и прошитые лучами лазерных батарей. Пилот изо всех сил пытается контролировать ревущую машину, несущуюся над обнажёнными руинами старого городка, в котором кипит жёсткий бой. Спустя несколько секунд машина с грохотом ложится на пузо, разбрасывая вокруг себя облака едкой пыли и куски зданий, в которых загнездилась, поднимая клубы серо-бежевого дыма.

Обломанные винты вертолёта остановились, а сама помятая машина окончательно утихла, люк открылся, и из разорванного брюха огромного вертолёта в небольшой прямоугольный дворик хлынуло два десятка солдат в абсолютно чёрном доспехе и оружии, которое несёт смерть. Чёрные длинные сапоги до колен, усиленные пластинами лёгкой крепкой стали накрывают толстые бронированные штаны, накрытые крепкой курткой и бронежилетом с наплечными пластинами. Их лица скрыты за масками респираторных пластин и линзами, пылающими чёрной бездной, голова же укрыта касками. В ладонях, покрытых толстыми перчатками, покоится грузный автомат, отдалённо напоминающий АК.

Вперёд них выходит воин, который отличается от них лишь одним – тёмно-багровыми полосами на наплечнике, которые отметили его офицерский статус. Он взирает на серые двухэтажные дома, среди которых оказался. Отовсюду доносятся звуки битвы – пальба и раскаты орудий, крики умирающих и шипение ракет.

– Вергилий, где мы?

– Господин капитан, – прозвучало обращение к воину с красным наплечником. – Господин...

– Да.

К воину подошёл человек, закинувший автомат на бедро и удерживающий в руках небольшой планшет.

– Судя по показаниям спутника, мы в городе Раддон, за пределами линии фронта. Тут где-то рядом передовой штаб штурмовой группы Либеральной Капиталистической Республики. Разрешите вопрос?

– Да.

– Как мы будем выбираться из этого переполоха? Нас занесло на добрых четыре километра дальше позиций, где сейчас наш зад должен находиться. Капитан?

В ответ лишь одно молчание. Холодного образа воин осматривает пыльные покосившиеся здания, пока двадцать солдат рассредоточиваются по внутреннему двору и помогают пилоту вылезти из помятой кабины, тыкая всюду дулами автоматов и ожидая нападения.

– Капитан? – снова доносится воззвание. – Рейх ждёт.

– Мы должны объединиться с группой «Б», и нанести удар по передовому штабу врага, как и планировали... только теперь он ближе, чем мы хотели. Кто есть помимо «Б» в пяти километрах отсюда?

– Нужно время, чтобы всех пробить.

– Давай, я пока свяжусь с группой «Б».

Капитан, ведущий два десятка бойцов, не удивлён, что их вертолёт рухнул далеко за линией фронта, но всё же его он желал бы, чтобы их «птица» села где-нибудь поближе к фронту. Они – воины ордена, служащего великому Канцлеру, они – топор палача, карающий врага и сегодня по воле повелителя их противник это две страны, заявившие право на владычество над Европой. Святейший крестовый поход ещё не сталкивался с такими врагами... они сильнее и опаснее... это не державы гнилого и рассыпавшегося мира, нет. Сегодня решится судьба крестового похода и капитан желал бы, чтобы он продолжился, чтобы его знамя развивалось над всей Европой – от Геркулесовых Столбов до Новой Пруссии.

Капитан, отвлекшись от своих мыслей, ткнул на кнопку возле воротника, вызывая на связь братьев по ордену.

– «Базальт» – «Базальт», приём, я «Арбелас»... «Базальт»

– Ох, Данте! – раздался ретивый голос из передатчика, на фоне беспрестанной звонкой пальбы. – Как же я рад тебя слышать, бандит. Хах, не пойму и как тебя жена отпустила на эту веселуху!?

– Яго! Это ты, брат?! Отзовись!

– Да, брат!

– Что там у тебя!?

– Веду огонь, либеральные черти нас приперли со всех сторон! В третьем квадрате просто ад!

– Немедленно отходи на оборонительную позицию!

Яго сейчас был бы рад ответить, но его прижала очередь из тяжёлого пулемёта, скосившая часть укрытия – пыль от каменных наспех собранных нагромождений осыпала его, а пули просвистели над головой. Все они на окраине города, находящегося в лапах врага, и осколки разбитых зданий стали щитом для полуроты от противника. Второй щит – искорёженный огромный десантный вертолёт, объятый языками пламени, ставший защитой от неприятеля, наступающего из выжженных полей перед городом.

– Брат! – доносится крик из рации.

Бой вокруг Яго становился все жарче. Огонь орудийных расчётов Рейха, вой двух ротных миномётов возле командира и постоянное стрекотание звонких пуль оглушает. Враг наступает с севера и юга, а небо закрыто дронами и ЗРК Директории Коммун, до которых Рейх так и не добрался.

Из тумана, наваянного бойней и разрывами десятков снарядов, со стороны поля проступили массивные фигуры, объятые в железо и несущие орудия, смахивающие на латников апокалипсиса. Пять воителей неспешно шагают по полю боя, подходя на расстояние удара, где смогут сравнить бойцов ордена с землей.

– Кто это!?! – прозвучал крик одного из воинов, отстреливающегося в сторону поля. – Кто?

Яго молчит, предчувствуя ответ, который рождается в сознании. «Кем им быть, если не элитой... забойщики, сеющие смерть, выдернутые с фронта ради нас. Какая же честь!» – пронеслось в уме.

Под командованием Яго осталось сорок два бойца, отчаянно сопротивляющихся зубьям капкана, в который они попали. Отряд сомкнул плотное кольцо у разбитого вертолёта, ожидая неминуемой смерти, ведя сражение.

«За что же мы сражаемся. Этот чёртов мир не достоин тех смертей, которые были за три дня этой бойни... проклятый мир и чокнутый Рейх».

Яго подавил мятежные мысли и отдал приказ, пытаясь перекрыть оглушающий кошмар войны:

– Матиас, сколько у нас лазпушек?!

– Всего одна... на три выстрела, господин капитан!

После ответа, Яго снова подключился к рации:

– Брат, нас на долго не хватит. Нас прижали поганцы. Если помощи не будет, будешь со мной на могилке общаться!

– Держите оборону! – не зная, что ещё сказать, закричал Данте. – Мы выступаем!

Пять солдат синхронно открыли огонь и их оружия, смахивающие на вытянутые трубы, разрезали пространство ослепительными копьями света, прошившими всё вокруг. Один из солдат Рейха упал на землю, и из его груди донеслось зловоние плавленной брони и резиновых проводов, а вместо сердца зияет одна большая дыра.

– Держитесь, сколько сможете, мы идём, – после этих слов связь оборвалась, когда лихая пуля угодила в рацию и разнесла её на клочья, и Яго вместе с бойцами остался один на поле боя.

«Конец!» – поразила ум Яго печальная мысль, когда он увидел, что из города напирают на его позицию бронетехника и пехота врага расступается перед ними, давая вестникам разрушения пройти сюда.

Яго осмотрелся и увидел, как рядом стоящий с ним упал на землю, погибая от ранения горла, забрызгав доспех капитана кровью. Потом умер ещё один, от такой же раны.

– Снайпер! Пригнуться! – приказал Яго.

Повисло страшное марево и раскалённый воздух будто стал густым, плотным от жара и количества снарядов и лучей, рассекающих его. Там в небесах трассёры и ракеты, яркие стрелы лазбатарей ищут жертв и сбивают всякий транспорт. Только сейчас Яго понял, что их атака на передовой штаб – самоубийство, отчаянная попытка Рейха отбросить врага.

«У нас нет ни одного долбанного шанса», – подумал Яго и приказал:

– Матиас, тащи сюда эту пушку и беи по танкам. Дайте миномётчикам координаты тех громил по фронту... пусть им подпортят жизнь.

– Да господин!

– Давайте ребята, шевелите задом, если хотите жить! Покажем этим сволочам, чего стоят сыны Рейха!

Отряд с новыми силами вступил в смертельную бойню, ответив шквалом смертельного огня по врагам.

На другой стороне Данте выступил из руин, чтобы помочь брату, но он встретился с лабиринтом городских улиц, усеянных засадными подразделениями врага и сотнями ловушек.

– Вергилий, что по нашим?

– Никого, господин. Орден Пурпурного креста и Железных ангелов наступают далеко к западу, остальные на других фронтах, господин. Мы одни.

– Проклятье! – выругался Данте, но тут же взял себя в руки. – «Ох, как бы я хотел, чтобы хоть кто-то из Крестоносцев тут был... но мертвых не вернёшь... не сходи с ума Данте, если не хочешь дочь и жену оставить одних».

Почти все Первоначальные Крестоносцы отправились навстречу Создателю, кроме двух. Деций Аристофан и Бонифаций Торн всё ещё живы, и сражаются во имя и славу Канцера на разных театрах симфонии войны. Один у Крита, а другой парит где-то над полем битвы, где сошлись три исполина, три ревнителя великих и страшных идеалов.

– Между нами три километра, господин капитан. Нам нужен транспорт, иначе мы не поспеем. Господин Данте...

Парень вспомнил, что рота «Тени», рассыпана по всей линии фронта, направленная для атаки на передовой штаб, но его сердце укололо сожаление, что именно он и его брат оказались разделёнными и что один не может добраться до другого.

– Выдвигаемся.

Отряд последовал за капитаном и через пару минут они вышли в более-менее ухоженную часть города с охранявшуюся, несмотря на битвы. На воинов смотрят пустые окна двухэтажных зданий и в спешке покинутые позиции, состоявшие из кустов колючей проволоки и нагромождений мешков с песком. С печалью Данте смотрит на эти укрепления, которые были возведены Рейхом, когда этот город был в их руках, но теперь это вражья земля.

– «Арбелас», – донесся хриплый голос из радиации Данте. – «Арбелас», приём.

Данте, остановившись на узком перекрёстке присел. Отряд образовал кольцо вокруг капитана, ища в прицелах автоматов врага, выискивая его в окнах и у зданий, ожидая нападения.

– Да! Кто говорит? – спросил парень.

Из радиации донёсся ответ на слегка корявом новоримперском языке:

– Первое разведывательное тактическое отделение третьего гвардейского полка его императорского величества «Орёл». Говорит капитан Комаров.

– Откуда вы взялись?

– Мы добровольцы с востока, отправленные нашим государем в знак доброжелательности вашему Канцлеру. Но не об этом, сейчас. Наше отделение захватило три гаубицы, и мы можем вас поддержать арт-огнём. Укажите цель.

«Яго», – тут же пробежала мысль у Данте, и он скоротечно протараторил:

– Слушай, Комаров, накрой огнём четвёртый и второй квадрат. У тебя карты есть?

– Да, понял вас. Ждите «яблок».

Связь прекратилась и Данте ощутил облегчение. Хоть чем-то он смог помочь брату, хоть как-то облегчил его бой.

– Кто это? – спросил Вергилий.

– Какой-то русский, – ответил Данте, смотря на маску боевого товарища.

– Противник! – завопил один из бойцов. – На двенадцать часов!

Враг, облачённый в лёгкие бронежилеты и зелёные камуфляжные одежды, с пистолетами-пулемётами, хлынул огромным потоком на улицу. Они рассредоточились по стенам зданий и по отделению Данте застрекотали пули. В ответ раздалось гулкое гроыхание автоматов, расклевывавших пространство разрывными трассёрами. Раздался непонятный крик:

– Frem, soldateridet frie Danmark. Æretil frihed! Æretil den liberale kapitalistiske republik!¹

Но что могут лёгкие бронежилеты против автоматов ордена – тела бойцов обращались в дырявое решето, броня мялась и разрывалась, а всё внутри рвалось и опалялось разрывными пулями. Серо-бежевые стены мгновенно окрасились багровыми цветами, а улицы наполнились телами солдат роты врага, но противник не отступает, без страха продолжая идти вперёд.

– Подствольниками их! – приказал Данте и с позиций бойцов Рейха со свистом полетели гранаты, и врага накрыло пламя, асфальт взметнулся пылью и разорванными кусками, а осколки впились в тела противников.

– И чего хотели эти идиоты? – спросил Вергилий, когда на холодном асфальте полегло полроты врага, но ответ стал понятен до того, как Данте успел высказать предположение.

Справа, там, где собраны куски разбитых зданий, кучи асфальта и штабеля разбитых деревьев, образовав баррикаду, ударил смертоносный яркий луч. Три воителя ордена оказались на пути копья огненной смерти и пали на землю с прожжёнными телами.

¹ дат. – «Вперёд, солдаты вольной Дании. Слава свободе! слава Либеральной Капиталистической Республике!»

Данте увидел, как светится броня латника, отражая на себе блики полуденного солнца, в его руках странное вытянутое оружие, ствол которого играет оранжево-алыми красками перегрева. Он взобрался на самый верх баррикады и высматривает новую цель, а вокруг него роятся воины в лёгкой броне и покрытые серым камуфляжем, подобные простому люду вокруг «рыцаря», динамики шлема которого выдали бодрствующий грубый рык:

– Pour la liberté! Vivela Bretagne!².

Солдаты свободного мира снова усилили напор и отчаянно бросились на автоматы Рейха, наплевав на потери и сея улицы телами погибших соратников.

– Развернуть «Лазернек»! – скомандовал Данте.

Воин Рейха снял со спины трубу, выкрашенную в чёрный цвет, и закинул на плечо, смотря через щиток. Там, в оптическом прицеле он увидел цель и когда перекрестье оказалось на сердце, воин нажал на кнопку и из дула трубы, без звука вылетел толстый прут энергии, алым сиянием осветив пространство. Секундная вспышка и грудь «рыцаря» превратилась в пещеру плавленного металла, а само орудие смерти сброшено с плеча на асфальт, дымясь и шипя.

Грузный воин покачнулся, из его рук с перезвоном выпала лазерная «копьеметалка» и покатила по баррикадам, а через мгновение его тело рухнуло и сползло по кускам камня, пока не остановилось.

Шокированные воины врага бросились наутёк, но не многие скрылись за углами. Разрывные снаряды пустились за ними вдогонку, коварно впиваясь в спины и неся смерть. Семнадцать бойцов ответили шквальным непрекращающимся огнём, выкашивая противника.

– Жалкая попытка нас остановить! – прокричал Вергилий.

– Они и не пытались, – тихо проговорил Данте. – Это разведрота, судя по лёгкому вооружению. Они пытались отвлечь наше внимание, пока тот амбал нас бы не пришил, – капитан ткнул на мертвеца, чья броня на серебристо-сажистом корпусе отразила блик мрачного солнца.

– И что дальше?

– «Арбелас», – раздался холодный, прерываемый металлическими нотками голос из рации, – говорит командир элитного техно-эскадрона «Неон».

– Андронник! – радостно воскликнул Данте.

– Да, капитан, это я, – донеслась машинная речь.

– Что ты хотел?

– Мой эскадрон вышел к позициям полуроты «Базальт», мы им окажем поддержку, а вы тем временем должны занять городскую площадь в километре от вашей позиции и подготовить место для плацдарма.

– Э-э-э-м, у нас приказ нанести удар по передовому штабу.

В ответ лишь холодный технический голос:

– Это задачи одной цели. Мы к вам присоединимся позже, и сводной группой нанесём удар по штабу. Продвигайтесь в нашу сторону и сможете выйти к площади.

– Что случилось с фронтом? Почему так мало наших?

– В радиусе десяти километров, только мой эскадрон, два подразделения вашего ордена и отделение союзников, остальные были перекинуты на восток.

– Директория Коммун опять перешла в наступление?

– Да. Если мы не уничтожим командование врага в городе, то с вероятностью в восемьдесят процентов потерпим поражение в сражении.

– Хорошо, конец связи.

– Конец связи.

² брет. «За свободу! Да здравствует Бретань!»

Рация, встроенная в динамик рта, заглохла и глазами, похожими на раскалённые угли, Андронник увидел, как киберарий под его командованием хладнокровно и машинными действиями расстрелял воина, облачённого в алый кафтан, сшитый из бронированных нитей.

– Господин, – бездушно прозвучало обращение к Андроннику, – судя по первичным данным, это разведчик Директории Коммун. Мы можем оперативно задействовать технические средства воздушного обнаружения с тепловым спектром сканирования для выявления потенциальных угроз и засад?

– Хорошо, – раздался безжизненный ответ на столь такой же холодный вопрос. – Выполняйте.

– Господин примас-искупитель, – обратился некто из отряда киберариев и в душе Андронника, в том, что осталось от неё, что-то дрогнуло, что-то, что не способны различить механизмы.

«Примас-искупитель» – с призраком печали проговорил Андронник. – «Мы столько служим Рейху, а до сих пор искупаем грех вмешательства машины в тела».

– Да, Кайл F-14.

– Разведка сообщает, что с востока движется корпус воинов из Директории Коммун при поддержке десантного полка.

– Наша задача неизменна – мы должны оказать поддержку группе Базальт и присоединиться к штурму передового штаба, – и погода мгновение, он отдал приказ всему эскадрону. – Применить скрывающие плащи и перейти в режим максимальной маскировки.

Невидимыми призраками эскадрон ринулся сквозь разрушенный город, спеша на помощь братьям по оружию. Сквозь разваленные постройки, полыхающие и искорёженные груды металлолома, лишь очертаниями, напоминающими боевую технику, отряд бредёт. Только тени могли сказать о том, что киберарии идут через город, но их никто не увидел, все были обращены к битве.

Приближение к позициям врага ознаменовали усиливающиеся трески пуль, рокот артиллерийского огня, месящий противника, и рьяные возгласы. Среди тесных улиц к месту битвы стекается всё больше бойцов врага, а с фронта подступают всё новые отряды неприятеля.

– Господин примас-искупитель, мы не сможем приблизиться ближе, – раздался голос в ухе Андронника, – возможностей скрытностей нашего плаща может не хватить для поддержания искажения картинки.

– А больше и не нужно. Эскадрон, атаковать врага.

Холодный приказ ознаменовал страшное явление – словно из подпространства выпрыгнули механические солдаты, окутанные чёрными плащами с капюшонами. Улицы, сжатые двухэтажными зданиями в один момент залились ярким голубоватым свечением – энергетические мушкеты киберариев, латунные длинные орудия, растерзали воздух яркими сапфировыми лучами, скосившими воинов Либеральной Капиталистической Республики. Всё вокруг запахло жареным и горелым, повис аромат страха и паники.

– Наступаем!

Неприятель попытался ответить разрозненным огнём, его солдаты рассредоточились у углов зданий и мешков с песком. Пара БТРов, прикрывающих пехоту, обратили взор башен на киберариев, но мгновенно смолкли, когда их изрешетили десятки прямых линий энергии. Секунда и их охватило пламя, переросшее во взрыв, и огненный столб поднял башню машины вверх, а звон металла и разрыва наполнил раскалённый воздух.

Киберарии, неумолимо наступающие воины смерти, рассеялись по улице, по зданиям и рассыпанной волной идут вперёд, ступая через тела поверженных врагов. Их лучи находят цели, где бы те не спрятались, не оставляя шанса на спасение. Свет, яркий неестественный свет слепит врага, а диоды киберариев приглушают яркость и идут вперёд, высекая на стенах и асфальте выжжено-чёрные следы.

– Retreat!³ – кто-то из противников завопил и направился вперёд по улице, в самый её конец, где есть выход на небольшое поле перед городком, где кипит ещё более жаркий бой.

– Càit a bheilsinn a ’tarraing air ais, amadan! Thasin nclamped!⁴

Уши Андронника поймали эти голоса, а система перевала слова, различив шотландский говор. Вопли врага призвали киберария отдать ещё один приказ, который мгновенно рассеялся по всему эскадрону:

– Усилить давление, подавить сопротивление как можно скорее! Мы должны через пять минут выйти к «Базальту»!

Тем временем смешанные группы Либеральной Капиталистической Республики, собранные из различных подразделений, усилили наступление. Вокруг Яго валяется множество братьев по оружию, кто-то кричит от страшной боли, пленившей тело, а кто-то уже испустил дух. Сам командир ведёт перестрелку, его автомат грохочет и дёргается, неистово посылая пули в противника. Миномёты всё ещё продолжают пальбу, а танки врага стоят рассечённые и молчаливые, уподобившись мрачным памятникам, напоминающим, чего стоят воины Рейха. Но эта цена куплена слишком дорого – Яго с печалью на секунду перевёл взгляд на разбитую лазерную пушку и убитый расчёт. Он снова поднимает голову, и автомат выпустил звучную очередь, прошившую врага, укrywшегося за танком.

– Давайте, собаки! – яростно кричит Яго. – Из всех вас сделаю удобрение!

Со стороны поля перед городом, продолжают наступать враги, рассредоточенной стеной пытаясь окружить позицию воителей ордена, но частый огонь артиллерии раскидывает их.

«Эти придурки, не обкурились ли?» – спросил Яго, когда подумал о наступающих со стороны фронта врагах, которые даже не пытаются укрыться от карающей руки артиллерии.

Солдаты «Республики» наткнулись со всех сторон с усиленным и точным огнём, который методично подавляет наступление. С остервенением они около получаса пытаются подавить отряд Рейха, но практически сломали зубы. Линия обороны «Палачей» осветилась ярким огнём окаймлением автоматных и пулемётных залпов,

– Ole nüüd! Tule nüüd, tulenuüd!⁵, – кричит командир отряда противника, который сквозь город пытается выбить «палачей» с позиций.

– Что за чертовщина?! – разразился ярким удивлением Яго, когда увидел, как с восточной улицы, хлынули не враги, а союзник, облачённый в ореол ужаса и осветивший всё вокруг ярко-сапфировым сиянием.

– Господин капитан, к нам на помощь вышел эскадрон киберариев, – доложил кто-то из бойцов.

– Я и сам это вижу, продолжай отстреливаться, чёрт бы тебя побрал!

Больше сотни киберариев за одно мановение взгляда заполнили всё вокруг мелькающими тенями, металлическими бликами и ослепительными вспышками. Полетели гранаты механических бойцов и столбы пыли, каменных осколков, песка и огня поднялись в воздух, раскидывая противника, который стал идти на попятную, отчаянно отстреливаясь.

– Таганетине!⁶, – был отдан приказ, но отступление, под страшным давлением вестников Рейха, превратилось в неорганизованное бегство.

Солдаты в чёрном камуфляже бросились наутёк, желая, как можно быстрее спастись от страшного рока. Киберарии таких расстреливали в спины, усеивая улицы телами с прожжёнными дырами в телах и бронежилетах, в то время как «палачи» медленно отходили к востоку, под прикрытием кибер-воинов.

³ скотт. – «Отступаем!»

⁴ скотт. – «Куда отступаем идиот! Мы зажаты!»

⁵ лит. – «Наступаем! Давайте-давайте!»

⁶ лит. – «Отступаем!»

Двух минут хватило, чтобы расчистить местность, оставив только остова и обожжённые стены разнесённых по кирпичу строений, массивы разбросанного металла от бронетехники и тела павших. Вой гулкового ветра сменил оглушительное звучание битвы, даже артиллерия смолкла.

Яго, перекинув автомат за спину, вышел к Андроннику, которого окружает свита киберариев, оградивших их от опасностей дулами мушкетов, взирающих в стороны руин и огня.

– Господин капитан, нас осталось двадцать пять человек личного состава, считая раненных. В строю и полностью боеспособны только пятнадцать.

Командир рыкнув, возмутился:

– Х-м-хм! Проклятые уроды... столько наших сегодня погибло... и в лапы каких тварей мы угодили?

– Если вам будет легче, господин, мои киберарии провели ускоренный анализ обмундирования и символики противника, выявив, что против вас боевые действия вёл Таллиннский вольный легион. Это странно, ведь Нова Речь Посполитая завоевала Прибалтику.

– Да ладно... все они уроды... и зачем мы только вмешались в это побоище...

– Такова воля императора, – холодно сказал Андронник. – И мы должны её выполнить.

– Воля... какая, – часть бранных слов Яго скрыл грохот орудий вдалеке, – воля. Да ты хоть знаешь, сколько народу я потерял в этой бойне? Ты знаешь, скольких братьев по оружию я похоронил, жестянка ты этакая! Да как тебе знать это... у тебя вместо души треклятая программа и мотор на месте сердца!

После сих слов повисла странная неловкая тишина, и Яго показалось, что его спину сверлят осуждающе взгляды киберариев и «палачей». Парень понял, что сказал слишком опрометчиво и не должен был этого говорить.

– Прости... я не хотел.

– Ничего страшного. Вашей психике было полезно изъять часть эмоций и напряжения посредством гнева. А теперь мы должны вернуться к первоочередным задачам.

– Как? У меня нет бойцов. Да и раненым кто поможет?

– Мы вызвали транспорт. Половина эскадрона прикроет транспортировку раненных, а мы должны помочь вашему брату.

– Ох, Данте, – запрокинул голову Яго, – куда на этот раз влип, куда вы его кинули.

– Мы должны встретиться на площади, к северу отсюда. Оттуда мы начнём наступление на передовой штаб.

– Хорошо, – Яго махнул рукой, – парни, собираемся и выходим. Мы ещё повоюем для страны!

Только Андронник повернулся, махнув плащом, и собрался идти, его за плечо остановила цепкая рука Яго, и прозвучал вопрос:

– Есть поблизости те, кто могут нас поддержать?

Смотря в алые линзы шлема, прямо в глаза Яго, Андронник ответил:

– Да... есть один союзник.

В полутора километрах от края города рванули металлические опоры, держащие вышку и, искрясь и обсыпая всё вокруг яркими дождём огня, завалилась на бок, со страшным скрежетом рухнув на дорогу.

В небольшом помещении, что забито старыми партами, на стенах которого висят выцветшие портреты, с покосившейся меловой доской, и пол завален осколками, пятнадцать бойцов, облачённых в броню цвета тёмного моря, взирают на это из окон здания, уставив автоматы наружу и ожидая возможного нападения. На каждом из них куртка с белым тёплым воротником, плотные штаны, высокие берцы, наколенники и налокотники. Голову четырнадцати бойцов скрывает толстая каска без знаков отличия, пятнадцатый же имеет символ двуглавого орла.

Их пояса обвешаны гранатами и боеприпасами, а у пары-тройки из-за спины торчат стволы гранатомётов.

– Теперь им точно-то облом тут пройти, – обрадовался кто-то из воинов.

– Товарищ капитан, – обратился боец к воину с орлом, – правильно ли мы сделали, что покинули занятую позицию?

Капитан среднего телосложения, чьё полноватое округлое лицо замарано сажей, низким голосом ответил:

– Нас могли вычислить, Андрей. Мы свою задачу выполнили – помогли союзникам, теперь должны отойти.

– Товарищ капитан, – раздался сзади звонкий голос, – вас вызывают.

– Кто? – спросил командир чуть покривив тонкие губы.

– Какой-то «примас-искупитель». Не пойму, что это за..., – слово бойца скрылось за грохотом очередей автоматов.

– Контакт!

– Дай сюда рацию! – приказал капитан и поймал устройство, обратив в неё речь. – Я капитан Комаров, кто говорит?

– Примас-искупитель техно-эскадрона Андронник. Где вы находитесь относительно третьей торговой площади города? – донёсся играющий перезвонами металла голос на русском, что слегка удивило Комарова.

– Мы в полукилометре от площади, к юго-востоку, в разрушенной школе. Ведём бой.

– Выдвигайтесь на запад относительно вас к центральной дороге, там встретимся.

– Хорошо! – ответил Комаров, пытаясь пересилить голосом пальбу, – мы выдвигаемся! – и, кинув рацию обратно, приказал. – Отряд, на выход!

Комаров приблизился к двери, выводящей из кабинета, держа в руках автомат, очень похожий на АК-74, только у этого оружия спаренный ствол и двойной магазин. Как только он вышел, его обдали косыми очередями, пули легли рядом, выпив щепки из двери и пыль из стен.

– Проклятье! – рухнул на пол капитан и открыл огонь в длинный обшарпанный коридор.

АК-7447 из двух стволов выдал сумасшедшую очередь и два механических солдата, представленных большим блоком питания и процессором вместо груди, скрытых за сталью, спичечными руками и ногами, антенной торчащей из-за спины и странной головой, пали. Из их процессора вылетел снап искр, а дырявые корпуса лишились питания.

– Капитан, вы как?

Комаров поднялся, отряхиваясь, медленно говоря:

– Ничего... обычные твари из металла. Лёгкая пехота «Республики»... если так, то нам придётся их уничтожить, чтобы они за нами не увязались. Займёмся этим. Пусть снайперы, Володя и Макс заберутся на чердак, Дима и Алексей, пошли со мной. Остальные, держите оборону здесь.

– Есть, товарищ капитан! – послышался хоровой ответ.

Комаров поспешил на выход, только его повело не к главному, а совершенно наоборот. Он вспомнил, что ставил растяжки у холла, откуда они вошли, забыв про чёрный вход. Только открыв дверь на лестницу, им попалось существо из металла на фоне серой площадки вне здания, только сделавшего первый шаг в разрушенную школу. Усиленный огонь смёл солдата с металлическим перезвоном разворотив ему грудь, превратив его в искрящийся металлолом.

– Что-то слишком убогие жестяные банки, – усмехнулся Алексей.

– Да ладно, нам же лучше, – сказал Дмитрий.

– Видать старая прошивка... один знакомый из Английской специальной воздушной Службы очень давно рассказывал, что военные компании «Республики» экономят на подобных солдатах, ставя им старые программы и древнее железо... от того они медленные и глючные, но зато дешёвые.

Трое солдат вышли на пыльную улицу, встретив пальбой из грохочущих автоматов ряды механизированных бойцов, которые разрозненной группой наступают на школу. Перед ними разбросаны искажённые автомобили и раскиданы мешки с песком, старый асфальт усеяли каменные осколки, и ошметки тел павших воинов. Спрятавшись за раскуроченными авто, Комаров вприсядку открыл огонь. Два ствола выдали стремительный рой свинца, солдаты из металла были остановлены, их корпуса изрешечены, скрывшись за салютом огня. Руку Комарова рассекла шальная пуля, слегка задев кожу и продырявив куртку.

– Капитан!

– Царапина, Дим. Продолжай стрелять.

С чердака раздался тихий, едва слышимый в суматохе битвы хлопок, и странные головы механизмов вспыхнули ярким фонтаном искр. Снайпера открыли огонь по роботизированной лавине, что неумело пытается наступать.

Внезапно, среди этих тварей, появилось похожее техническое существо, только еле заметная частичка его корпуса окрашена в синий. Оно ловко спряталось за мешками, временами на мгновение подаваясь из укрытия, чтобы пальнуть из маленького автомата. Спустя секунду ещё дюжина этих существ вышла на поле боя и пули врага стали всё более плотно ложиться у окон, броня имперцев застрекотала лёгким перезвоном рикошетов.

– Вот чёрт, они вывели модификацию. Алексей, передай, чтобы снайперы пытались их уничтожить. Тех, кто помечен синим цветом.

– Товарищ капитан, вы что задумали?!

– Дим, – капитан снял с пояса коробчатое устройство, – ты положишь электромагнитный пульсатор у той постройке и включишь его.

Все взглянули на впереди стоящее трёхэтажное здание, обнесённое каменной оградой и являющее призраком великолепия будущего. Выполнение в стиле барокко, с выдранными кусками стены, оно стало угрюмым символом ушедшей эпохи.

– И?

– А мы тебя прикроем и оттянем огонь на себя.

– Вас понял, товарищ капитан!

Комаров потянул Алексея за собой, заставляя его сделать перебежку. Механические твари моментально перевели на них внимание и открыли огонь, но пули рикошетят и звенят от остовов, изъеденных огнём машин.

«Отладить стратегию наступления!» – по передатчикам техно-воинов разбежался приказ операторов солдаты со стально-спичечными конечностями стали подходить веером.

Комаров швырнул гранату, и солнце на блестящих корпусах роботов скрылось огнём и грязью, их изрешетили осколки, разрывая внутренние провода и ломая платы. Автоматы, торчащие из окон школы, меткими очередями, сдерживают волну металла, но машины, ведомые программой, несмотря на потери, продолжают наступление.

«Оптимальное расстояние. Звено-66-FG – инициировать применение гранат» – раздался приказ.

Три робота занесли руки к поясам и приготовились закидать позицию Комарова дождём смерти, но дружественный огонь пресёк эту попытку, залил ливнем пуль тварей и их детали прибавлюсь к кучам техно-внутренностей роботов.

– Дима давай! – кричит Комаров, меняя обойму.

Затвор лязгнул в ту секунду, когда пульсатор сработал. Волна невидимого импульса накрыла небольшое пространство, там у здания, где рядом больше всего скопление механических солдат, раздался звонкий щелчок. Пехота из стали остановилась, её неживые конечности охватил странный тремор, а через мгновение она не устояла – ноги подкосились, в них пропала сила, нет сигнала, который велел бы сражаться.

Пары секунд отряду Комарова хватило, чтобы перестрелять существ, объятых глуклом, перезвон металла и стрекотание пуль наполнило улицу, асфальт же заполнился брэнчащими деталями, которые его умастили подобно ковру.

– Отряд, собратся на улице! – скомандовал Комаров, поднявшись во весь рост.

Его встретил холодный ветер, рвущийся с севера. Далёкие возгласы боя доносятся с юга и востока, а хлад «борея» бьётся о его лицо, слегка завывая. Взгляд глаз, словно отлитых сталью, печально смотрит на место, где только что кипел бой. Разорванные клочья металлолома донесли до него тяжёлые воспоминания прошлого, змеёй обвившие сердце.

– Кость, ты как? – спросил Алексей, направив взгляд тёмных глаз на Комарова, его овальное лицо с острыми чертами сурово, на щеке же красуется шрам.

– Это мне чем-то напомнило Москву... ты же помнишь... блин, кажется будет дождь.

– Конечно помню, – Алексей коснулся шрама. – Слава Христу, что всё закончилось по хорошему.

– Это так... ты бесконечно прав. Ладно, – резко повернулся капитан, и всякая печаль с его лица развеялась. – Нужно двигаться. Дима, ты где!?

– Я тут! – побеждал солдат и швырнул под ноги Комарова объятый дымом, исторгающий аромат сгоревших проводов и плавленного металла, пульсатор, похожий на коробку. – Я не знаю, что с этой, – то как Дима назвал пульсатор скрыл рокот взрыва неподалёку, – стало!

– Товарищ капитан, наши цели?

– Мы выдвигаемся на запад, нужно будет помочь.

– Мы же вроде должны вернуться к полковнику. Мы уничтожили батарею и радиовышку. Нам тут больше делать нечего, – с лёгким возмущением произнёс один из воинов.

– Наша главная задача – оказать посильную поддержку союзнику, – басовито и грозно закормил капитан. – Если мы им не поможем, они могут потерять этот город. Порадует ли это полковника или самого Царя-батюшку?

В ответ лишь молчание.

– Мы выдвигаемся на запад и поможем нашим братьям по вере и оружию втереть в землю либшизу⁷. Вперёд, за мной!

– Капитан, вас вызывают! – доложил воин и занёс руку для того, чтобы швырнуть устройство.

– Давай рацию!

Капитан поймал рацию и тут же обратился:

– Кто?

– Андронник. Вы сейчас где?

– Ну, нас немного задержали, поэтому мы только выходим.

– Мы находимся на месте встречи. Поспешите.

Связь прекратилась, и Андронник бросил общение, силой мысли оборвав сигнал, идущий от его ротового звукопередатчика к рации. Холодный взгляд безжизненных огнём пылающих глаз, взирает на происходящее. Его полуэскадрон рассеялся по углам перекрёстка и тёмным местам, облекаясь в тени и скрывая себя. Пятнадцать воинов Рейха сели у разбитых машин и ждут нападения с любой стороны.

– Ну, где там союзничек? – с ехидством спросил Яго, подойдя к Андроннику.

– Они только покинули место дислокации.

– Хах, не велика польза от такого союзника.

⁷ Либшиза – клише, обозначающее людей, настолько сильно приверженных идеям либерализма, что их пристрастие граничит с психическим расстройством. Свойственными характеристиками такого человека являются – готовность идти за идею на смерть, морально и физически уничтожать любого, кто противостоит идеи либерализма.

– Господин Яго, вы должны быть благодарны союзнику, так как это он оказал вам артиллерийскую поддержку, которая повысила ваши шансы на выживание на семьдесят три процента.

– Вот мне сейчас не до цифр! У меня нет связи с братом, никто из его ребят не отвечает! Мне не до ожидания!

– Успокойтесь, господин Яго. Ваш брат сейчас в зоне поглощения сигнала... видимо инженерные части Либеральной Капиталистической Республики накрыли площадь блокиратором сигнала. Мы их найдём и уничтожим.

– Ну, где же... где, – с нетерпением молвит Яго, смотря во чрево разрушенного града.

– Они идут. Во имя Рейха, вам нужно собраться, иначе духовная энтропия вас погубит и имеет шанс распространиться среди ваших бойцов, что приведёт нас к поражению с вероятностью в сорок семь процентов.

– Империя Рейх, – усмехнулся капитан, запрокинув голову, и багровые линзы маски на стекольной поверхности отразили нежно-огненное небо, расчерченное трассами и следами самолётов. – Будто ей не всё равно на нас... кто мы для неё... кто мы для правителя и командиров? Кто мы для иерархов церкви? Не более чем священная жертва, мясо, отправленное на треклятое заклятие и всеожжение в огне войны. Им на нас плевать... Рейху на нас плевать... он заботится только о будущем.

– Рейх, господин Яго, единственное, что сберегло нас от гибели. Вы же помните, как жили до этого? Или ваши близкие по коммуникации люди? Статистика показывает, что люди стран, лишившихся суверенитета в Империи, когда их территория стала составной частью Империи, стали жить намного лучше, – Андронник ткнул винтовкой в сторону города. – Если мы победим, это место расцветёт как во времена своей молодости... не это ли добрая благодать, которая при анализе старых эпох, есть наиболее лучший результат мира?

– Знаешь, Андр, мы три дня месим землю... три долбанных дня жертвуем собой... я сражался с Сицилийским Княжеством, против республиканцев Прованса, погряз в дерьме траншей Иллирийской Тирании и выживал на улицах Стамбула. Там, у нас была цель.

– А тут у вас цели нет?

– Мы спасали людей от безумия зажавшихся господ, а здесь... три высокопоставленных гуся не смогли договориться о мире в Европе.

– Господин Яго, – вкрадчиво заговорил Андронник, звеня перезвоном гортанных связок. – Будьте осторожны со словами... судя по первичному лингвистическому анализу, они с вероятности в восемьдесят один процент пропагандируют ненависть к государству. Во всяком случае – приказ дан, его необходимо выполнить.

– Хорошо-хорошо, металлический ты мой...

В нескольких метрах послышался топот и из-за угла подались бойцы в тёмно-синей форме, первый из которой зияет двуглавым орлом на каске.

– Арспик! Позывной «Арспик»! Не стреляйте, мы союзники! – прозвучали слова с лёгким оттенком северного акцента.

Яго отстранился от Андронника, шагнув навстречу бойцам, проминая под подошвой сапога какой-то упавший щиток дорожного знака. Если бы сейчас на капитане не было маски, все бы увидели подозрительный взор Яго с незначительным презрением, которые испытывает командир.

– Бронза, – презрительно кинул Яго, – и что же вы, дети севера, забыли у нас?

– Наш полк прибыл сегодня для оказания дружественной помощи.

– Капитан Комаров, – в металлическом голосе Андронника пробежало нечто смахивающее на удивление, а сам техно-солдат шагнул вперёд. – Я вас помню ещё старшим сержантом. Это же было на северном Кавказе, не так ли?

– Когда ты его видел? – спросил Яго. – Как тебя вообще туда занесло?

– В те времена я служил под командованием центуриона кибернетической центурии Римского Престола.

– Давайте не будем о днях, минувших, – отмахнулся Комаров, – какая у нас задача?

– Мы должны помочь моему брату! – вмешался Яго. – Он к северу отсюда и ведёт бой!

– А как зовут вашего брата?

– Товарищ капитан! – раздался голос сзади. – С нами связались!

– Рацию, живо!

Поймав устройство, тут же раздался голос, искажённый помехами и статикой:

– На...нуж... ошь! По...шь!

На другом конце связи боец, занявший позицию за мешками с песком, отключил рацию и доложил:

– Капитан, связи нет. Нас глушат!

– Проклятье!

Данте перекатился и оказался за каменной оградой фонтана и тут же поднял автомат, который с громоподобным рёвом выдал очередь. Озарившее и обволокнувшее пламя, вышедшее из дула, скрыло цель, но по крику, донёсшимся из окна противоположного здания он понял, что его пули нашли цель.

На большой площади, окружённой двухэтажными зданиями, усеянной насыпями из мешков с песком и груд металлолома кипит жаркий бой. Отряды металлических воинов, среди которых мелькают люди, наступают с севера, засыпая металлом выцветшую серую плитку. Яркие вспышки загораются и гаснут по разным сторонам площади, а пространство расплосовали секундные трассы.

Капитан сжал крючок – автомат пару секунд безудержно грохотал, а затем звонко лязгнул и смолк. Его выстрел выбил кусок металла у боевой машины, изуродовав грудь и опрокинув механизм на землю.

«Нас раздавят», – промелькнула мрачная мысль в голове Данте, когда над ним пронёсся гудящий, насыщенный алый луч от которого, лопнул, в крошку разлетелась верхушка фонтана – прекрасный лебедь осел каменной пылью на площадь.

Взгляд Данте устремился вперёд. Там на солнце пролетают металлическими бликами корпуса. Не менее пяти десятков механизированных воинов, которые неумолимо идут вперёд. Их тела слабы, чтобы выдержать напор пуль Рейха, но искусственный интеллект, заложенная программа, велит идти вперёд. Пистолеты-пулемёты стрекочут в их стальных руках, яркие диодные глаза взирают на битву яркими углями алого света.

Отряд Рейха засел в зданиях на юге площади, а десяток другой бойцов рассредоточился у мешков с песком. Они, облачённые в вороньи цвета, отбиваются всеми возможными способами. Наступающее звено противников, слишком близко подошедшее к фонтану, моментально сгнуло в вихре перекрёстного огня, разлетевшись рваными кусками металлолома по земле.

– У нас раненный! – донёсся ор за спиной Данте, сердце которого кольнуло после этих слов, ибо он уже потерял десяток в этом бою и не желает оставлять тут весь отряд.

– Мех-убийцы!

Только раздался крик, как капитан разглядел, что через ряды наступающих механических звеньев мелькнули размытые образы, силуэты, мерцающие мрачными тенями. Три или четыре роботизированных солдата, скрытые за плащами, которые подобны одеждам киберариев, ворвались в горнило битвы.

Данте сорвал оставшиеся гранаты и швырнул вперёд. Секундное пламя, рокот взрыва и вихрь осколков изрешетили удивительные плащи, и пространство замерцало серебристыми пятнами.

– Огонь-огонь-огонь! – приказывает Данте, до конца опустошив обойму, и изрешетил тварь.

Серебристые ноги и руки, похожие на спички и грудь-блок показались на земле. У существа вместо оружия в конечности вмонтированы острозаточенные клинки, сияющие в свете тусклого солнца.

Парень засмотрелся всего на секунду, за что и поплатился. Из-под покрова невидимости выпрыгнула смерть воплощённая – блеснули ножи у самых глаз Данте и тут же он ощутил толчок в грудь, стальная пята опрокинула офицера.

Данте схватился за клинок на поясе – короткий гладиус, на котором выбиты латынью символы «Via Dalarosa», покрылся сетью молний и затрещал. Два коротких куска стали столкнулись с гладием, выбив сноп искр, а спичечная нога подсекла парня. Заряд энергии, переданный существу от клинка Данте осел в блоке хранения и предал твари силы и быстроты.

– Капитан! Прикройте капитана!

Воины Рейха только готовы были изрешетить монстра, как по их позициям прошла очередь тяжёлого пулемёта. Разрушительная длань орудия рассекла здание, рвя его на куски, кроша камень и рассекая дерево в щепки.

Меч практически коснулся шеи Данте, но парень отступил назад, звонко отбивая ещё один выпад и ещё один. Случайная пуля угодила ему в ногу, и парень отшатнулся, тут же ощутив режущую боль в плече – серебристое короткое лезвие вошло в тело, прямо в руку. Линзы маски капитана, за которыми взгляд страха, предчувствия скорой смерти, сравнялись с безжизненным взором диодов. К Данте понеслось второй клинок, готовый закончить его существование. Ещё мгновение, и он оборвёт его жизнь, отправит в холодное небытие.

«А как же семья?» – пронеслась мысль в голове; Данте от одного помысла о том, что его семья останется без него, рождает катастрофу, противление неминуемому.

Он резко отходит назад, соскальзывая с острия клинка, омытого в крови, совершая попутно резкий восходящий удар. Но система просчитала это действие, а поэтому существо отпрыгнуло назад. Оно предвкушало победу, но внезапно его голова, а затем тело разлетелись салютом металлолома. Усиленная очередь бронебойных пуль из сдвоенного автомата стала роковой для врага.

Неожиданно на площади показались ещё люди – этой воины Рейха, сопровождаемые воителями в тёмно-синей одежде. Их окружают солдаты, навечно вступившие в союз с металлом и разделившие пространство яркими смертоносными лучами света.

Рядом с капитаном оказался человек с округлым открытым светлым лицом, схватив его за не раненное правое плечо, заставив пригнуться.

– Вы как? – прозвучал вопрос на новоимперском.

– Жить буду... просипел Данте, вынимая пистолет. – А вы кто?

– Капитан Комаров.

Диалог оборвался гулким басовитым эхом, донёшимся с вражеского края площади. Показалось нечто странное и сумбурное – большой коробчатый механизм, в вертящейся башней на конце орудия которой пляшет огонь. Весь корпус обшит неровными листами металла и выкрашен в вырвиглазые фиолетовые и салатные, ярко-жёлтые и розовые цвета.

– Это что за уродец? – этих слов Комарова Данте не различил.

– Танк! – прокричали воины Рейха и открыли огонь.

Киберарии отбросили назад отряды механических тварей, прожигая в их корпусах дыры и закидывая электромагнитными гранами. Струя жаркого огня окатила пять киберариев, и их мгновенно пожрало неистовое ревущее пламя. Спустя мгновение они выли из пожара, опалённые и с ожогами на живых тканях, но технические устройства в теле мгновенно ввели обезболивающее и они продолжили бой, несмотря на раны.

– Давай РПГ! – кричит Комаров. – Всадите в него штук шесть!

Данте наблюдал за тем, как русские вскинули на плечи длинные стволы, увенчанные острым ромбовидным зарядом, выкрашенным в чёрный цвет. Не прошло и секунды как со сви-

стом, выписывая белый шлейф, снаряды устремились в корпус машины. Борт и лоб танка сначала зазвенели, а потом их скрыл огненный шторм взрыва. Куски плавленого металла накрыли площадь подобно дождю, а башня взметнулась вверх, и отлетела в сторону, придавив пару солдат врага.

Комаров поднялся во весь рост и его странный спаренный автомат отправил в толпу противников шквал пуль, скосив первое звено, заставив его с перезвоном пасть на плитку.

Роботизированные солдаты «Республики» получили приказ от оператора – «Оборонительная стратегия» и стали искать укрытия, попутно отстреливаясь.

– Капитан Комаров, – зацепился за тёмно-синий рукав Данте, поднимаясь с земли, – как же вы вовремя.

– Не меня благодарите, – Комаров, отстранившись от перестрелки, указал на одного из киберариев, который отмечен чёрной полосой на алых одеяниях. – А вон того парня.

Данте сделал пару выстрелов из пистолета и отправил в противника два ярких светлых луча. Он видит, что противник пятится назад, но не отступает. Им придётся истребить всех солдат из металла, ибо программа не знает страха и паники.

– Кто там, в здании? – спросил Комаров, показывая в сторону неприятеля.

– Люди. Скорее всего, передовая оборона перед штабом.

Комаров мгновенно крикнул, но Данте слов не понял:

– Володя, Макс, отработайте те здания!

– Есть, товарищ капитан!

На приказ Комарова два бойца заняли удобные позиции и их винтовки издали хлёсткие одиночные выстрелы.

Бой кипит. С юга всё прибывают киберарии, которым не ведома боль, страх и жалость – они с холодной методичностью продвигаются вперёд. «Палачи» и русские засели в укрытиях отстреливаются от орд противников. С севера продолжают наступление механизмы, без конца прибывая на площадь через единственную улицу. Нескончаемым металлическим потоком отделения роботов приходят на поле брани.

– Данте! – рухнув рядом с братом, воскликнул Яго. – Опять мне тебя приходится вытаскивать из одного места!

– Ох, Яго и ты здесь.

– На, держи, – брат подтянул для второго брата автомат, но Данте не смог его взять – пульсирующая боль в плече не дала этого сделать, на что Яго усмехнулся. – Ах ты негодный. Всё-таки словил маслину без меня.

– Проклятье! Воздух-воздух!

Над площадью зависли два аппарата обтекаемых форм с растопыренными крыльями, внутри которых жужжат винты. Их люки отверзлись и кажется, что сейчас они скинут нечто зловещее.

– Транспортники «Республики»! – закричал Комаров, когда перед фонтаном рванул снаряд; капитана засыпало кусками камня и выдранными из земли булыжниками, в придачу обдав россыпью осколков.

Один из транспортников принял в своё брюхо три снаряда от гранатомета, и огненный громыхающий цветок мгновенно расцвёл в небе. Пламя растелилось над головами воюющих и тут же все были осыпаны оплавленными листами металла, а само судно заплясало волчком и завалилось где-то в стороне, подняв столб огня.

Второе судно всё же осуществило высадку, несмотря на десятки стрел энергии пущенных киберариями. Шесть воинов спустились по тросам на плитку, проминая тяжёлыми грубыми ботинками тела мехвоинов. Данте смог разглядеть их – высокие, метра два ростом, облачённые в технодоспехи – толстый корпус, состоящий из листов металла, поножи и рукава, собранные из крепкой стали, внутри которых шипит гидравлика и течёт электрический заряд от блока

питания за спиной. Головы скрыты за глухими шлемами, на которых виден лишь зловещий свет сапфировых линз.

В их руках зашипели странные устройства – толстые вытянутые трубы, с толстым корпусом на краю, куда уходят руки. Данте ощутил, что его лёгкие обжог горячий раскалённый воздух, а звено киберариев мгновенно превратилось в ворох чёрной пыли, тут же развеянной по воздуху. Здание, где засели «Палачи» окрасилось пронзительно-белыми вспышками и фасад из бежевого в чёрное. Секунда и часть стены лопнула от жара, тёмный смрадный дым поднялся от постройки, которая стала покрываться дырами.

Десятки копий энергии ударили по новым бойцам, но их броня всё отразила, выдержала напор.

– Кто это!? – закричал Яго, стреляя в тяжёлых бойцов. – Как вспороть эти консервные банки!?

– Кхе-кхе, – Комаров поднялся с земли, отряхиваясь от пыли, его тёмно-синяя одежда покрылась саваном светлой крошки. – Это бронепехота, – капитан всмотрелся в эмблему на наплечнике – раскрытая книга на фоне пламени. – Отделение «Ревнителёв Конституции»!

– И как с ними бороться!?

Все моментально легли, когда одна из труб на них уставилась. Вся верхняя часть фонтана моментально превратилась в чёрный остов, а затем с грохотом разлетелась в пыль. Данте ощутил, как его правый бок под бронёй забелел, запылал ожогами, а вся экипировка страшно раскалилась, лаская его кожу жаром и обжигая.

– Кажется, здесь... мы и останемся, – прокряхтел Данте, загоня новую обойму в пистолет.

– Ничего, брат. Мы выберемся из этого чёртового кошмара. Я вытащу тебя!

– И что же тебя так мотивирует? – слабо усмехнулся парень.

– Твоя жена. Если ты тут останешься, она меня отправит к апостолу Петру.

– Соберитесь, – одёрнул двоих Комаров. – Нам нужно отходить. Полковник планирует удар с воздуха! – капитан швырнул под ноги бронепехоте гранату, которая звонко лязгнула и зашипела, за пару минут наполнив всё белоснежным густым дымом, обволакивая ровные ряды механических бойцов и утопив в покрове мглы тяжёлых воинов.

– Отходим за пределы площади! Отходим! Отходим! – приказывает Данте, махая и отводя людей.

– Киберарии, тактическое отступление, – отдаёт приказ Андронник.

Воины Рейха и отряд русских быстро покинули площадь, оставив её истерзанное пространство в лапах ликующего врага. «Атакующая стратегия», – был получен приказ операторов, и бойцы из металла устремились в бой.

У разбитого бронетранспортёра «Республики», уничтоженного в прошлых боях, в тени южного оградительного здания, засел Комаров. В его руках ютится рация, в которую он обратил речь:

– Товарищ полковник, цель – дымовая завеса. Нанесение удара по ней.

– Да, капитан. Штурмовики уже на подходе. Передаём им данные.

С востока донёсся страшный гул, а затем показались чёрные точки на фоне неба, охваченного огнями войны. Понадобилось всего пара мгновений, чтобы каратели достигли цели и пронесли над головами подобно шумной молнии, неся смерть и всепожирающее пламя. Сначала площадь скрылась за огнём попаданий ракет, сопровождавшихся страшным криком и звоном металлолома, а затем на неё пали бомбы, и вторая волна взрывов заставила землю плодятся обломами зданий, куски плит и стали врага.

Данте пригнулся, закрывшись руками, слыша то, как самолёты улетают далеко на запад, растворяясь в дали. По его пальцам затарабанили камешки и крупная крошка, окрасив вороной цвет его одежды в серый.

– Отряд, продвигаемся на площадь, – отдаёт не слышимо команду Андронник. – С повышенной степенью готовности.

За киберариями пошёл в объятия облака пыли и гари Комаров со своими солдатами, а за ними подтянулись Яго с Данте. Они ступили в покров дыма, который стелется бугром по площади, скрывая опалённые останки роботов и разбросанные части тел бронепехоты.

– Контакт! – прокричал мало кому понятное слово русский и выпустил в плотно-светлую пелену очередь, разорвав на части механического бойца с оторванными ногами.

– Чисто! – стали доноситься на новоимперском крики из разных частей площадей.

– Чисто!

– Чисто!

– Враг полностью подавлен в этом квадрате, – доложил Яго, смотря на пылающие остова зданий, где раньше заседали вражеские солдаты.

Три капитана, и примас-искупитель собрались на месте, где раньше стоял фонтан. Теперь там куски камня, да чёрного металлолома, устлавшие всё вместе с мусором и шуршащие под ногами.

– Неплохо мы потрепали врага, – сказал Данте, помещая пистолет в кобуру и доставая шприц. – Осталось только взять их передовой штаб.

– Но и из нас духу выбили достаточно, брат. У меня десять человек полудохлые на ногах, у тебя двадцать. А у тебя, примас-искупитель?

– Тридцать боевых единиц в строю и готовы продолжать бой, ещё шесть в течение получаса снова будут готовы продолжать ведение боевых действий.

– У меня одного пришибли, – доложил Комаров.

– Не удивительно, – фыркнул Яго, но капитан союзников пропустил этот выпад мимо.

– Что с боевыми сводками, Андронник? – под маской Данте слабо улыбнулся. – Порадуй нас.

– Суда по данным, полученным мной только что из военно-аналитического центра...

– Не грузи мозг, – махнул Яго. – Мы и так устали.

– Хорошо, – Андронник пару секунд помолчал, прежде чем хладно ответил. – С востока приближаются части Директории Коммун, и Рейх инициирует отступление с востока, формируя выступ в линии фронта. На самом краю обороны должен оказаться этот населённый пункт, поскольку поблизости нет иных поселений, которые могли бы стать местом концентрированной обороны наших подразделений, кроме дальней деревни к северо-востоку отсюда.

– То есть мы любой ценой должны выбить отсюда республиканцев? – устало спросил Данте.

– Да. Если мы это не сделаем, то Рейх будет отброшен на юг и на этом участке фронта случится прорыв.

– А что с остальными парнями? Нам выделяют кого-нибудь в помощь? Или самим одно место надрывать?

– Все задействованы в боях. Свободных подразделений нет.

– Ну, очертеть! – возмутился Яго. – Пойду, сообщу своим, что нас ждёт полный..., – последние слова капитана скрылась за шквалом взрывов, раздавшихся неподалёку.

– Мне так же нужно подготовить моих воинов к операции. Через сколько мы выступаем, господин капитан?

– Через час. Нам нужен отдых и план, – Данте отбросил шприц в сторону, как только обезболивающее оказалось в теле. – Свободны, Андронник.

– Какой вспыльчивый у вас брат. Я слышал, у вас есть ещё жена? – Комаров закинул автомат за спину.

– Он – мой брат, и другого у меня нет. Вы бы знали, сколько раз он меня вытаскивал из передраг... брат, одним словом. Да... жена есть... Сериль. А что вы тут делаете, Комаров?

– Я тут исполняю союзнический долг по поддержке вас в борьбе с проказой для человечества, в виде «Республики» или Директории.

– Понятно. А вас кто-нибудь дома ждёт?

– Нет. Для меня всё кончилось в ночь на первое февраля... шесть лет тому назад, – тяжело выдохнул капитан. – Революция либшизы в Москве всё и всех похоронила...

– Из-за этого вы так ненавидите либералов с севера?

– Давайте лучше готовиться к наступлению, – резко оборвал капитан. – Скоро выдвигаться.

Данте отстранился, глубоко задумавшись. Сегодня для него действительно плохой день – они попали в полный водоворот событий, его руку поранили, а сам он едва не погиб. Но больше всего его трогает лёгкое беспокойство по тем, кого рядом с ним нет – союзниках из орденов, о побратимах. В памяти Данте всплыли картины прошлого, где он сражался в Иллирии, бился на Балканах и умирал на улицах Стамбула вместе с воинами из Чёрных Судей, Поборников Справедливости и Крыльев Ветра. Там, он пробивался вместе с ними к вражескому командованию, помнит, как делил одну палатку с людьми из этих орденов, запомнил лица некоторых бойцов, которые видел во время еды из одной миски и пил воду из одного графина. Клички верности – «За право, закон и Канцлера!» – возглашали Чёрные Судьи; «Мы несём возмездье императора подобно урагану» – молвили Крылья Ветра; «Верностью Рейха мы принесём свет!» – кричали Поборники Справедливости».

Но теперь их нет. Как год они сторонятся своих братьев, окопавшись на Балканах, лишь изредка появляясь на театрах военных действий. Смотря вслед уходящему капитану, Данте видит в этом символ того, что медленно побратимы удаляются от них. И Данте пугает то, что может быть дальше, но он отбрасывает эти мысли, полностью концентрируясь на операции.

Коршуны свободы

Через два часа. Северные окраины города.

Данте движется медленно, аккуратно ставя ноги на асфальт. Вокруг него лишь руины и полыхающие остова зданий, внутри которых слабо горит огонь, и тлеют деревяшки, поднимая в воздух едкий густой дым, который стал естественной массивкой.

На самом краю городка, на его северном пределе, раскинулся призрак великолепия былого времени – огромный пятиэтажный дворец, покрытый сетью трещин и выбоин на серых выцветших стенах. Где-то ещё видны слои светло-розовой, как закатные облака, краски, но большая часть постройки отразила на себе цвет безвыходности и мрачности. Со всех сторон видна трёхэтажная постройка, выполненная в форме прямоугольника, с черепичной крышей, которая похожа на трапецию. От каждого торца исходит полукруглая стена, на месте встречи, которых расположены ворота, обитые листами ржавого металла и укрепленные кусками древесины. Стены у самого подножья укутаны метрами колючей проволоки, перед которыми выставлены противотанковые ежи, а единственный вход запечатан пулемётными гнёздами, десятком автоматических турелей и КПП, у которого, слабо тарахтя, ютятся два танка.

Капитан выбрался на оптимальный рубеж, тут же найдя укрытие и спрятавшись за разрушенной и обласканной сажей стеной, обратился по рации:

– Цель в пределах видимости. Не более пятисот метров, – Данте присмотрелся и так же проговорил. – Противник патрулирует периметр. Не больше десяти человек на патруль.

– Что по возможным местам прорыва, братец?

– У них на юго-западе есть дыра в стене, однако там наблюдается концентрация сил противника. У самой дыры два крупнокалиберных плазмогана, и три огневых точки.

– Может, наши металлические друзья подберутся поближе и...

– Простите господин Яго, что вас прерываю, – на линии появился ещё один голос, оттеняющий металлической безжизненностью. – Но эта возможность полностью исключена в силу того, что у противника расположены стационарные телевизоры и наше приближение они смогут распознать.

– Андронник, удастся распознать вражеские подразделения, их специализацию, вооружение и уязвимые места в обороне?

– Я могу вам об это доложить сейчас, господин капитан.

– Докладывай.

– Первичный визуальный анализ показал, что объект находится под защитой элитного конфедерально-республиканского подразделения «Орлы свободы», которое находится в подчинении Совета Корпораций Либеральной Капиталистической Республики. У них на вооружении штурмовые винтовки М-61, два танка «Лира».

– Постой.

Данте взглянул в бинокль, различая оружие в руках солдат – вытянутые и тонкие автоматы, с оптическими прицелами и сдвоенными магазинами. Облачены они в полностью прилегающие костюмы из какого-то блестящего материала, похожего на пластик, лица их скрыты за черными, как уголь, стекольными забралами шлемов. Парень перевёл взгляд и смог рассмотреть две приплюснутых серых машины, башни которых так же приземисты и от них исходит длинный блестящий ствол.

– Продолжай.

– У противника два плазмагана у юго-западной стены, а также имеются у КПП не менее десятка автоматических стационарных энергетических орудий «кратер».

Снова бинокль Данте обратился линзами к постройке. У разбитой стены он видит два орудия, которые спрятались за навалом мешков с песком. Каждое из них объёмистое и пузатое, похоже на короткую огромную пушку, обитую странным переливающимися всеми цветами радуги металлом. Дальше, перед самыми главными воротами, он видит одноэтажную конструкцию, смахивающей на маленький терем, собранную из жести и шлагбаумом перегородившей дорогу. Рядом с ней роится десяток стволов на треногах, вкопанных в насыпи из каменных щепок и строительного мусора, на обратной стороне которых имеется увесистый коробчатый источник питания.

– Кажется, они хорошо окопались... поганцы.

– Да, Яго, – Данте присел, касаясь стены и перчаткой счерчивая сажу. – Это их штаб... и наша цель, от которой зависит судьба битвы за город. Андронник, что говорят разведчики?

– Силы противника отходят к штабу. С юго-востока и запада к нему подтягиваются по две роты соответственно, каждая из которых насчитывает не менее сотни боеспособных единиц. Если они продолжат движение, то попадут в ловушки, подготовленные моими киберариями.

– А что с помощью? Родина нам не подкинет подарков? Там из штаба никто не почесался, чтобы мы справились?

– К нам на помощь было отправлено отделение ордена «Пурпурного креста», в количестве пятнадцати человек и бронетранспортёра. Они в пределах двадцати минут.

– Вот это чудно. Брат, ты подумал, как мы эту пададь будем вытравливать?

Данте переключил канал, щёлкнув на кнопку у воротника, и обратил речь:

– Комаров, приём. Комаров.

– Я на связи.

– Вы сейчас где? Твои снайперы на позиции?

– Мы только спустились под землю. Судя по планам, которые нам дал Андронник, мы выйдем на место через минут десять-пятнадцать. Как поняли?

– Понял тебя. Прикажи своим снайперам убрать двух бойцов за тяжёлыми орудиями у юго-западной стены через минуту. Как понял?

– Понял вас хорошо, Данте. Ещё что-то?

– Нет. Конец связи.

Переключив канал, Данте снова оказался на связи с братом:

– Яго. На тебе танки. Начинай их уничтожение через пятьдесят секунд. Андронник, пусть твои киберарии займутся уничтожением позиций с пулемётами на юго-западе. Выступаешь вместе со мной. Всё, понеслась.

Внезапно из радики донеслись немного хрипловатые слова Яго:

– Брат... прошу тебя... будь осторожнее. Ты же не хочешь оставить дочь сиротой.

– Постараюсь. Я же им обещал... ты же помнишь.

– Да. А теперь давай возьмём этот сарай для Рейха, если ему так он нужен.

Затвор автомата в руках Данте звонко лязгнул. В памяти возникли образы, явления прошлого, которые вспыхнули огнём тёплой меланхолии и радостной печали. Он вспомнил сад, прекрасный роскошный сад, устроенный насельниками одного старого монастыря у Великого Коринфа. Яркие и сладкие ароматы цветов наполняли воздух и он, гуляя с женой и дочкой, по умощённому камнем дорожкам разглядывал изумительную картину природного изящества. То было перед самой отправкой их на фронт, и именно там, под стенами древнего монастыря он дал клятву, молитвенно обещал, что вернётся.

Теперь его лёгкие наполняет отфильтрованный воздух, но он знает, что тут всё пахнет гарью и смертью. Его не окружают стены зелени, в которой проглядываются разноцветные проблески удивительных бутонов цветов. Вместо этого на многие километры стелятся пейзажи выжженных пустошей и разорённых селений. Здесь нет добрых насельников монастыря, вместо них грозные капелланы, читающие псалмы для обычных солдат Рейха, а храм заменяют

полевые часовни. Но Данте помнит о клятве, старается не забывать, что его ждёт семья, что у него есть дом, где ему рады, и он не может погибнуть, не может положить свою жизнь на алтарь мимолётной победы.

«– Ты не вернёшься», – раздаётся странный зловещий голос в разуме Данте. – «Ты оставишь их».

Когда мужчина услышал это и его душа содрогнулась от страха и ужаса, когда глас, звучащий подобно из адской расселины, сказал это ему. Он не понимает, откуда звучит голос жуткий, и тут же возникает иная мысль – «это всё от переутомления. Да от него. Успокойся».

– Данте! – крепкая рука коснулась плеча воина, и капитан обернулся. – Вы как? Мы наступаем?

Вдали раздались хлопки, ставшие сигналом к действию – два выстрела и позиции тяжёлых орудий стали чисты. Данте услышал, как враг начинает шевелиться, кричит и вот-вот должна завывать тревожная сирена.

– Пора, Вергилий, – Данте осмотрел пятнадцать бойцов, стоящих перед ним, выкидывая мысли о «госте» в голове. – Веди своё звено к крайней огневой точке противника. Прикроешь наш вход. Вперёд воины! За Рейх и Канцлера!

– За Рейх и Канцлера! – отозвались солдаты.

Данте вышел на открытую местность и увидел, как одну из огневых точек затопил залповый выстрел киберариев, и она вспыхнула ярким пламенем. По-видимому, никто не выжил.

– Туда Вергилий! – приказал Данте и пять человек устремились вперёд, на небольшое возвышение.

Перед Данте разверзлась огненная бездна, и пламя скрыло всю стену здания, поднявшись высоко вверх, и только краем глаза он смог заметить, как рядом со зданием секунду назад стояли топливные баки. Теперь же они стали ревушим пламенем, пожравшим вражеских солдат, рванув от попадания двух десятков лучей энергомушкетов.

Капитан вырвался вперёд, выставив автомат перед собой. В линзах оптического прицела, на самом перекрестии показался вражеский солдат и мигом чёрный корпус задёргался, а дуло увенчалось яркими вспышками. Мгновенно переведя ствол, Данте снова открыл огонь, утопив роем пуль солдат, показавшихся из пролома в стене.

Окна распахнулись, и противник открыл огонь из треножных пулемётов. Данте заметил, как его солдат пал с пробитой шеей, обливаясь кровью. Затем пулемётная очередь визжащей тучей забрала жизни двух киберариев и их тела со звоном и обливаясь светло-синей жидкостью пали на каменную крошку, которой усыпан полог здания.

Со всего бегу Данте рухнул на землю, ощутив, как его бок отдаёт приглушённой лекарствами болью. Тем временем пулемётная очередь из единственного окна окатила волну нападающих, заставив их замедлить ход, а потом и вовсе прильнуть к земле, чтобы не попасть на прицел орудия.

– Нас прижал огонь противника!

На вопль Вергилия отозвался союзник, который из потаённых укрытий дал залп. Данте показалось, что он слышит удары хлыстов где-то вдалеке, но таков винтовочный огонь. Пары секунд хватило, что бы огневая точка смолкла.

– Вперёд! – возгласил Данте, вздев автомат. – За Рейх и Канцлера!

– За Рейх и Канцлера! За Империю! – отозвались солдаты.

Данте оказался у позиций плазмоганов, у самого пролома, как с ним связался Яго.

– Ты как, братишка?

– Мы практически вошли. Как у тебя дела?

– Танки горят как милье. Мы так же смогли кончить КПП и теперь сможем войти с парадного.

– Даже не думай! У них есть пулемётные расчёты. Как только войдёшь во двор, из тебя сделают решето!

– Тебя понял, так что нам теперь делать?

– Отойди на исходную. А затем встреть наших из «Пурпурного креста». Всё, давай.

– Как скажешь.

Данте прислонился к самой стене, точно у пролома, не смея туда сунуться. Откуда-то из глубины здания рвётся пулемётная очередь, в сопровождении пуль меньшего калибра.

– Андронник! – кричал капитан, смотря на бойца по другую сторону дыры, который так же готов зайти вовнутрь. – Что делать будем?

– Можно применить ручные бомбы, только мне не известны характеристики здания, и мы можем его существенно повредить, что затруднит дальнейшее продвижение.

Внезапно внутри помещения раздались непрерывные хлопки хаотичной пальбы, зазвенели перезвоны очередей, и поток пуль наружу прекратился. Данте вильнул за обшарпанную стену и оказался в широком помещении, которое заставлено старой трухлявой мебелью – кадрами да креслами с посеребрившей обшивкой, а в узком проходе навалены мешки с песком и в его сторону смотрит грозное дуло пулемёта. Там дальше, в следующей комнате, слышна пальба странная речь, на шум которых офицер пошёл, внимательно смотря через прицел на происходящее. Миновав тело пулемётчика с ранениями на спине и трупы других воинов, Данте оказался в широченной гостиной дворца, в которой навалом всего. На махровых старых коврах блестят гильзы, столы, кресла и диваны используются как укрытия, а откуда-то со второго этажа доносится пальба.

Всё заволоч пороховой дым, ничего не слышно из-за непрерывного воя снарядов, но всё же капитан смог разглядеть тёмно-синюю одежду союзника и крик на ломаном новоимперском:

– Лягте, дурак!

Парень только успел рухнуть, как над его головой пролетел сноп шальных пуль. Комаров, подавшись из-за дивана, накрыл пальбой небольшой балкон второго этажа, но ответом стал усиленный огонь. Помещение заполнили киберарии, и секундными линиями энергии окутали выступающий балкон с таким усердием, противнику пришлось отойти. Спустя один миг балкон озарился вспышками взрывов, и в ушах зазвучал страшный хруст бетона – белый каркас, очернённый опалинами от энергомушкетов, надломился и рухнул на первый этаж, с треском разбив шкаф, превратив изумительной работы, хранилище книг в кучу дерева и стекла.

– У нас потери!

– Сколько!?! – спросил Комаров.

– Двое!

– Проклятье! – капитан наставил автомат в правую сторону, там, где пролегает ещё один коридор. – Нам нужно скорее покончить с вражеским командованием! – И тут же ткнул в то место, где раньше отвисал балкон. – Зашвырните туда что-нибудь по мощнее, что бы этим засранцам жизнь мёдом не казалась.

– Товарищ капитан! – слышится незнакомая для Данте речь. – Сюда подходят вражеские подкрепления с севера! Конфедераты! Судя по донесениям, это четыре роты из Республики Московии⁸ и смешанный полк союзной Сибирской Федерации⁹.

– Кто? – вмешался Данте. – Мос-Москва и Сиб-и-ирь?

– Да так... старые знакомые, – отмахнулся Комаров. – Нам нужно отойти, Данте.

– Постой, – ухватился за плечо Комарова «Палач». – Ты нам нужен. Нужно взять этот проклятый штаб.

⁸ Республика Московия – марионеточное государство, созданное Российской Конфедерацией после падения Федеративной России на территории Москвы и Московской области.

⁹ Сибирская Федерация – сепаратистское государство, ставшее частью Конфедерации в долгой гражданской войне.

– К нам сейчас подходит две с половиной тысячи боевиков из недобитой Российской Конфедерации¹⁰. Если мы не отступим, нас попросту в пыль сотрут, – заявил Комаров. – Я рад этих тварей винтить в дерьмо, но не сейчас!

– Но мы должны, – напирает Данте. – Таков приказ имперского командования и самого Канцлера. Мы должны выполнить его, ибо от него зависит судьба миллионов людей. Если сейчас мы отступим, то мы не удержим эту часть фронта, и враг займёт города южнее... столько народу окажется в лапах этих стервятников либерального пошива.

– Людей говоришь... – Комаров проверил боезапас и мигающий красным диод у обоймы говорил о том, что патронов осталось слишком мало. – Ладно. Нам нужно на третий этаж. Там располагается вражеское командование. Пошли.

Киберарии хлынули в смежный с гостиной коридор и были охвачены огнём. Не менее пяти полумеханических воинов поглотила шипящая струя огнемёта, и их плащи да одежды стали тлеть и гореть, покрываться сажей и исчезать, по телу должна была пробежаться боль, но она остановлена вколотым обезболивающим. В ответ энергомушкеты ретиво затрещали, и вражеские солдаты приняли грудью выпады лазерных ударов. Позиция огнемётчика у самой лестницы оказалась отчищена.

– Противник нейтрализован! – доложили киберарии и, ковыляя, отступили зализывать раны, давая новой волне собратьев стать щитом для офицеров.

Поднявшись по мраморной лестнице, в окружении тёмных стен, отряд быстро оказался на третьем этаже и, открыв дверь, волна техно-ратников Андронника проникла в коридор. Справа на замусоренный пол падают лучи света через широкие окна, а слева сплошная тусклая стена, прерываемая дверьми. И в конце длинного коридора виднеется металлическая армированная дверь, выкрашенная в тёмно-красный цвет. Казалось, стоит только пройти к двери, но непреодолимым препятствием стала гвардия противника – высокий и могучий воитель, облачённый в сверкающий механический доспех, скрывающий лицо за маской шлема, а глаза под стёклами визоров. Его ладони сжимают не тяжёлое орудие, а стальное древко огромной секиры, лезвия которой похожи на лепестки и струятся паутиной энергии. Подобно пажам, «рыцаря» окружают не менее двух десятков солдат в чёрной броне, каждый из них блестит латами, подобно рыцарским, а руки их несут тяжёлые вужи, острие которых потрескивает электрическим щёлканьем.

Громяхая доспехами и пуская струи пара из-за горба, расположенного на спине и ставшего батареей, массивный воитель сделал шаг вперёд, и пространство содрогнулось от массы «рыцаря» нынешних реалий, а под прорезиненной подошвой сапога раздался треск бетонного мусора.

– Ва-ша даль-ше не идти! – раздался грохочущий голос через динамик решётки на «рту» шлема воителя. – Моя гвар-дия свобо-ды вас остановить! К нам уже идти союз-ника!

– Кто?! – вспыхнул Комаров, вздевав автомат, уставив два дула прямо на глаза «рыцаря». – Эти крашенные клоуны и больные?

– Ох, Кон-стан-тин! Как же я тебя давно не ви-деть! Как та-м твоя семь-я пож-ивает?

Нецензурную брань Комарова скрыла автоматная очередь, вырвавшаяся из двух спаренных стволов и рой пуль ударил по глазам металлического монстра. Окружавшие воины тут же сорвались в атаку, но встретились со стеной лазерного огня, которая ударила в лица вражеских солдат, однако броня противника оказалась по странному крепка. Киберарии одновременно опрокинули энергомушкеты за спину и зазвенели короткими мечами, приготовившись встретиться с противником лицом к лицу.

¹⁰ Российская Конфедерация – государство, состоявшее из других стран, объединений и бесчисленных группировок, противопоставив себя Федеративной России. Конфедерация стала воплощением всех регионалистских, либеральных, оппозиционных и националистических идей, противопоставляя себя центристской, забюрократизированной и полунитарной России. Конфликт, длящийся века лишь подтверждал непримиримость внутри страны, ставший одним из символов Великого кризиса.

Данте опустошил обойму, и напор его очереди прорвал защиту одного из противников, оросив пол кровью и кусками брони. Воин остановился, его вуж со звоном рухнул наземь, тело покачнулось и рухнуло на лицо.

– Уб-ить! Всех уб-ить! – заревел «рыцарь», протирая разбитые линзы шлема.

Данте встретился со вражеским вужем нос к кончику лезвия и тут же отпрянул назад, одновременно обнажая короткое лезвие гладия и активируя его смертоносное преимущество. Вокруг закипело сражение, всюду слышны перезвоны металла и жужжащее гудение электричества на клинках, искры сыплются при каждом прикосновении лезвий. Данте же не спешит вступить в бой, не с его человеческим телом бороться против вужа. Киберарии ещё могут сражаться, из-за технического преимущества, вплетённого в их плоть, но он – обычный человек, а поэтому вынужден пасовать перед врагом. Острое лезвие вужа никак не может достать до парня, поскольку он то и дело пятится назад, отходит и отступает и оружие постоянно царапает пол там, где он стоял.

Внезапно кто-то отпихнул Данте, одёрнул его за плечо и встал перед ним, заслонив от гвардейца, вытянув на прямой руке пистолет. Длинное тонкое дуло оружия озарилось лучом яркого огня, который белоснежной раскалённой струёй вонзился в противника, прожигая ему горло.

– Комаров, – тихо промолвил Данте, когда заметил, что за спиной солдата болтается автомат с двумя спаренными стволами.

В бой вступил огромный «рыцарь». Его секира обрушилась на киберария, обратив его в груды металла и мяса, орошая всё вокруг странной светло-синей влагой. Ещё удар прикончил сразу двух воителей Рейха, а последующий вихревой выпад отбросил в сторону третьего киберария.

– Звено, групповой огонь по приоритетной цели «Альфа»! – отдал приказ Андронник, блокирующий нисходящий удар вужа и мгновенно перешедший в выпад, пронзивший насквозь гвардейца.

Ещё одна стена лазерного пламени обласкала «рыцаря», но она оставляла не больше чем маленькие чёрные выбоины в покрытии механического доспеха, рассыпаясь яркими вспышками по полированной поверхности брони. Мушкеты трещали один за другим, автоматы «палачей» и русских лаяли, засыпая дождём из пуль врага, но ничего не помогает.

– Брат! – раздался глас в рации. – Я встретился с нашими, и мы сейчас зайдём во внутренний двор. Я на БТР «Бетельгейзе» если есть цели, мы можем поджарить их аки курочку в микроволновке!

Кровавая пляска «рыцаря» закончилась у самого первого окна, когда он тычковым ударом наверх секиры отбросил киберария, погнув ему металлические рёбра. Остановившись, он показал прямо на Комарова, безумно загоготав:

– Хах-аха-хах! Те-бе мен-я не дос-тать!

– Твоя цель на третьем этаже. Первое окно, – доложил Данте.

– Ага, вижу.

«Рыцарь» обвёл лезвием секиры собравшихся, проводя дугу и явно ликуя от того, что победа будет за ним. Он видит, что пол усеян телами двух десятков киберариев против четырёх из его гвардии, однако его ликование мгновенно прервалось, когда через окно ринулась пламя, и Данте показалось, что зажглось ещё одно солнце. Он зажмурил от страшной боли глаза, когда светоносный поток небывалой яркости огня выбил окно и охватил «рыцаря». Смерд горелой плоти и плавленого металла был отфильтрован через маску капитана, но вот Комарову не посчастливилось, и он ощутил весь спектр вонючих ароматов, отчего он поднёс ладонь ко рту.

Крики и скулёж врага был заглушён рёвом буйного пламени, а когда всё прекратилось, Данте увидел лишь почерневший коридор и угольки, облачённые в опалённую броню. Ничего

и никого больше, лишь пара гвардейцев со странами ранами всё ещё кряхтят и шуршат по полу ладонями, но ими уже решились заняться киберарии, неся вечный покой.

– Нам нужно скорее покончить с командованием, – Комаров показал на укрепленную дверь. – Скоро подойдет вражеское подкрепление.

– Да, давай, – Данте вогнал последнюю обойму в автомат. – У тебя есть план как её пробить?

– Парни, – крикнул капитан на непонятном для Данте языке. – Ставьте плавитель С-04. Выжжем эту дверь нафиг! Вытащим этих тварей на свет Божий!

– Андронник, – обратился Данте. – Пусть твои киберарии прочешут остальные помещения штаба и нейтрализуют всякое сопротивление.

– Будет исполнено, господин Данте.

Десяток бойцов собрались у двери, устанавливая четыре странных диска, обращенных зеркалу поверхностью к металлу. Пока они копошились, проводя алые провода между дисками и ведя его к одному большому устройству, на третий этаж успел подняться Яго.

– Братец, ах ты бандит лихой, ты живой! Какая радость!

Данте рад видеть Яго, только его улыбку скрывает маска с противогазом, а радость в глазах покрыта линзами.

– И этими пластинками вы собрались пробить дверь? – нахмурился Яго. – Да как так-то?

– Да, – мрачно ответил Комаров. – Я советую вам отойти и зажмуриться.

– Не думаю, что твои дискеты что-то сделают, но как пожелаешь.

Отряд отошел на расстояние и отвернулся в сторону, как и требовал капитан. Сигнал устремился по проводам к цели и раздался истошный громкий гул, а затем Данте услышал шипение и звук перетекания одновременно с чувством неистового жара, что коснулся его спины до пота.

– Всё, пошли!

Послушавшись Комарова, отряд одновременно развернулся, и ему встретилось облако пара и дыма, сквозь которые Данте увидел, что дверь превратилась в сгусток металла, который растёкся по бетонному полу, словно парафин плавленной свечи. В ещё не остывшую дверь рванул капитан, сунувшись в небольшой проём, образовавшийся от работы устройства. Данте только поразился, как Комаров смог так юркнуть в такое отверстие. Жар, обжигающий тело, встретил офицера, когда он прыгнул через образовавшуюся «пробоину», сквозь марево раскаленного воздуха и дыма.

Небольшая комната совсем не пестрит разнообразием. Справа Данте видит клетку, стальные толстые прутья, образовавшие стену толстых штырей, впереди свет падает через окно, а слева расположился единственный стол, за которым на кресле с высокой спинкой, рядышком с белым сейфом, расположился человек. Красно-фиолетовый камзол, синие погоны и оранжевые туфли вражеского офицера показались капитану слишком сумбурными, будто перед ним клоун, а не командир вражеского войска. Из радики на столе то и дело доносятся множественные донесения, трещит статика и нервный тяжёлый взгляд карих глаз ложится на связанное устройство.

– Не трогать! – приказал Комаров, целясь во вражеского командира, квадратное лицо которого отразило гримасу ненависти. – Ваша оборона рухнула, полковник.

– Дя как висмеети! – залепетал вражеский офицер на непонятном для слуг Рейха северном языке. – Я есть командирь военства свобода! Ви должны уважать мой права!

– Комаров, проклятье, ты понимаешь его? – спросил Яго.

– Да.

– И что он говорит.

– Хочет, чтобы мы его не трогали и уважали права.

– И что мы с этой рожей будем делать?

– У нас есть приказ захватить вражеское командование и доставить в штаб к консулу нашего ордена.

– Пленники, – повернулся Яго, смотря на то, как за клеткой копошатся и стенают, слабо и слёзно завывают люди. – А зачем они здесь?

– Вы ведь не всех гражданских эвакуировали из города при отступлении? Кто-то остался... вот они оставшихся и пленили, чтобы использовать для... содомских утех, – пояснил Комаров, кидая злобный взгляд на вражеского полковника, и держа его на прицеле автомата.

– Сodomских утех?

– Да, их должны доставить в Либеральную Капиталистическую Республику, где одних отправили бы обслуживать... э-э-э, каких там... короче, самую либерально-прогрессивную прослойку их гнилого общества. Кого-то бы пустили на органы для партийного старичья из иерархов-конституционщиков. Женщины наверняка стали бы... э-э-эм, инкубаторами для пополнения населения. Иначе говоря, ничего хорошего их бы не ждало.

Услышав это, Данте стало не по себе. Много лет прошло с тех пор, как он пёлся о благе людей, которым он нёс штандарт Канцлера и даже после событий в «городе бога», когда его душа остыла, сердце продолжало слегка содрогаться и болеть о тех, к кому они ли с огнём и словом нового закона. И здесь он так чувствует, что его дух содрогается от вспыхнувшей злобы, чувства несправедливости из-за того, что вытворяют «республиканцы».

– Откуда ты знаешь? – допытывается Яго.

– Читал доклады Службы внешней разведки, да и... во время не лучшего состояния моей родины, Конфедерация проводила переговоры... о поставках, – Данте уловил дрожь в голосе Комарова, понял, что ему тяжело сейчас вспоминать события прошедших дней. – О поставках... людей из тюрем... для всего этого. И эта скотина, – Комаров ткнул дулом в полковника. – Промышляет этим.

– Это не правители, – сокрушается Яго, смотря на пленных гражданских и тут же переводя взгляд на офицера противников. – И даже не люди... верхушка власти в «Республике». Э-э-это долбаные коршуны, проклятые стервятники от «свободного» мира!

– Теперь мне понятна твоя ненависть к... «либшизе», как ты их называешь, – с подавленной яростью твердит Данте.

Внезапно полковник раскричался на непонятном наречии, языке одного из субъектов «Республики», активно жестикулируя, что-то вопя и требуя.

– Изъяснись мне нормально! – потребовал Комаров.

– Что вы там говорите! Мои права закреплены хартией! Вы не имейте права против меня что-то сделать! Я – военнопленный и вы должны меня выдавать мой командование! Вы должны обеспечить моя положение самым лучшим! Еда и питье! Да-да!

– Может эту пташку прямо тут положить, – предложил Яго, демонстративно подняв автомат на полковника. – А консулу скажем, что вальнули его за побег. Во, или вообще за то, что отстреливался.

– Нет, – резко оборвал Данте. – Мы должны доставить его в штаб.

– Я согласен с твоим братом. Как бы мне самому не хотелось прикончить эту сволочь, но он обладает важной информацией. Только прошу, передайте его вашим инквизиторам, чтобы они выпытали у него всё с особым пристрастием.

– Хорошо, – Данте закинул автомат за спину и обратился к сквозному дверному проёму, который перестал испускать дым и застыл оплавленной дырой, а часть двери осталась блестящей лужей на полу. – Андронник! Позовите Андронника!

– Вы звали меня, – тут же в дыру пролезла фигура, окутанная красным плащом. – Господин капитан?

– Да, – Данте показал на пленных, на покрытые ржавчиной металлические балки, вдолбленные в пол и в потолок, превратив часть комнаты в клетку. – Нужно вывести этих граждан-

ских к нам в тыл, – затем рука капитана показала на расфуфыренного полковника. – А этого попугая в штаб к инквизиторам. Отправляйся со всеми своими киберариями.

– А как же вы, Данте? – в безжизненном голосе Андронника капитан смог уловить что-то от беспокойства. – Анализ обстановки показывает, что при контратаке противника вы не сможете достаточно долго продержаться для момента подхода подкрепления и с вероятностью в семьдесят восемь процентов будите окружены и уничтожены. Передислоцирование моего...

– А-а-а, мы поняли тебя, – махнул Яго, лицо его нахмурилось под маской. – Прости, но ты слишком долго говоришь.

– Я вас понял, господин Яго.

– Просто выполни, что приказано, Андр и возвращайся.

– Будет исполнено.

Командир механических солдат отдал приказ по радиолинии и киберарии моментально приступили к выполнению задачи, портативными лаз-резаками прожигая металл клеток и цепляя наручники на полковника, наполнив помещение терпким запахом плавленого железа, воем инструмента и воплями полковника.

– Я пойду, проконтролирую всё, – Яго поспешил на выход. – Да и нашим скажу, чтобы готовились к обороне.

Комаров, словно уставший, присел на стол, предварительно лёгким движением скинув с него стопки бумаги, планшет и рацию. Данте взглянул на союзника, приметив, что выражение его лица мрачнее и грознее дождевой тучи, а на душе его вьётся боль.

– Может, расскажешь, что произошло? – аккуратно начал вопрос Данте. – Вы не просто не любите «республиканцев»... вы их ненавидите.

– У меня... крайне смешанные чувства. Нет сил на ненависть, но есть желание избавить землю от этой нечисти.

– А в чём собственно причина? Да и сколько вам?

– Сорок годов отроду. Шесть лет тому назад пало то, что ещё можно было называть Россией... пало под натиском оппозиционных сил. Последний островок того, что связывало страну с прошлым, последняя нить... оборвалась.

– Шесть лет... а сколько твоя страна потратила на возрождение?

– Пять февралей минуло с той поры, как государь скинул иго

– Так что случилось?

– Я тогда был сержантом, служил в федеральной службе спецназначения, был сержантом. Пока твоя страна завоёвывала юг Европы, моя непрестанно воевала, боролась за куски территорий, и потерянное века назад единство. Мы сражались с нашими некогда братьями, бились с червями внутри системы.

– И что же погубило вас?

– Гниль, пропитавшая мою страну. Федерация пала, но не по вине сепаратистов, а потому что режим оказался неустойчивым. Вспыхнула революция в Москве, война и полились реки крови.

– И ты сражался не на стороне мятежников?

– Конечно же нет, – сплюнул Комаров. – Я с нашими союзниками пытался противостоять революции на улицах столицы, но врагов оказалось слишком много...

– Вы проиграли, – мрачно констатировал Данте.

– Да. А дальше увольнение, порицание и преследование. Нас, тех, кто остался верен родине, заклеили отступниками и гнали как собак, объявили охоту, как за дикими животными. Проклятые регионалисты готовы были растерзать меня... они отобрали дом, семью и лишили родины, – Комаров резко поднялся и Данте увидел, что тот захотел хлопнуть по столу, но вовремя удержал гнев, прошептав одно лишь слово. – Ненавижу.

– Я думаю, вы мне не договариваете, – под маской нахмурился Данте. – У вас должна быть причина для злобы посильнее, чем потеря работы, крах родины и выживание.

– Может быть, в будущем я расскажу больше, – Комаров подтянул автомат. – Но не сейчас, нет настроения.

Данте только захотел продолжить диалог, но комната заполнилась басовитым криком из рации русского:

– Товарищ капитан! Наши стационарные аппараты ближнего обнаружения зафиксировали движение на севере. До ваших позиций им три километра.

– Сколько сигнатур?

– Примерно полторы тысячи. По-видимому, это недобитки из Сибирской Федерации и Московской Республики. Дошли всё же...

– Хорошо, конец связи, – Комаров отключил рацию, бросив пристальный взгляд на Данте. – Мне только что сообщили, что полторы тысячи боевиков к нам приближаются с севера. Они попытаются выбить нас с занятых позиций и восстановить власть республики в этом регионе. Что вы будете делать?

Данте призадумался, опустив голову к земле. Он стоит в только что отбитом штабе, за который они лил кровь, и неистово бились и сейчас отступать – значит признать тщетность всех потуг к победе. Но если он отступит, то сохранит жизни своих людей и себя, не даст семье остаться без отца, однако нарушит прямой приказ Императора и навлечёт позор на свой орден.

«Ещё одна дилемма... ещё один выбор... как же хочется не выбирать», – горестно подумал Данте.

– Комаров, понадобится твоя помощь... ты же хочешь поквитаться за Москву?

– Ох, Данте. Молод ты ещё... мстью мало что можно исправить... исковеркать душу – да, но не исправить. Свою рюмку «горькой» мести я уже выпил.

– Проклятье! – вспыхнул Данте и ткнул в сторону распиленной решётки, там где ещё пару минут назад сидели пленные. – Ты видел, что они вытворили!? Ты хочешь, чтобы это повторилось в масштабах города-миллионика? Бога ради, не уж то в тебе нет милосердия?

Офицер Рейха решил защищать этот клочок земли до последней капли крови. Так повелел Император, так требует безопасность миллионов людей, которые прячутся от кошмаров войны в городе за линией фронта и это необходимо для его семьи. Если он сейчас отступит, то имперская кара коснётся не только его, но и Сериль с дочерью.

– Вот чтобы ты сделал на моём месте, Комаров?

– Я бы на твоём месте отступил, Данте, но раз у тебя случай «особенный», так и быть, помогу. Приказа от полковника не поступало, с полком связь оборвалась, и мы сейчас одни, – Комаров, запрокинув автомат, бросил печальный взгляд в сторону окна. – Только попытайся выжить. Для семьи ты важнее, чем для страны, ибо твоя жена и... кто там у тебя был... дочь; им без тебя тяжело придётся, а Рейх пошлёт ещё одну порцию жертв на алтарь войны.

– Постараюсь, – Данте протянул руку в сторону Комарова. – Спасибо.

– Не меня благодари, а ребят моих, что решились помочь «союзнику в деле противодействия противнику Государства Российского».

– То есть? – насупился Данте, но маска скрыла это, являя лишь безжизненно-чёрные очертания экипировки.

– Под моим командованием – отделение добровольцев и больше тут нечего говорить.

– И что же их сподвигло?

– Это неважно. Лучше скажите, как вы будите строить оборону? Врагов около две с половиной тысячи, а нас в несколько раз меньше.

– Пойдём, найдём командиров.

Спустившись, и выйдя из здания, Данте направился через внутренний двор, ступая по опалённым кускам строения, выдранных из зданий неудачными попытками гранатомётчиков

уничтожить танк. Пространство ужимают стены, у которых, на месте старых клумб разбросаны мешки и ящики из пластика, а под ногами хрустит камень из выбитой брусчатки. Позади него плетётся Комаров, меланхоличным взглядом посматривая по сторонам.

– Ох ты, братец! – во двор, в сопровождении одного человека вошёл Яго. – И что же вы наreshали?

– А это, кто с тобой? – Вопросил Данте, указав на высокого человека, на котором иная униформа, чем на «плачах»; это плотный панцирь на груди, прикрывающий весь торс и окрашенный в цвет вороного крыла с эмблемой пурпурного креста на сердце, с прикреплёнными наплечниками и высоким горжетом; высокие бежевые сапоги с голёнными знаками двуглавого орла, под чёрными щитками и покрывающие цвета ореха плотные штаны; на руках перчатки, украшенные растительным орнаментом и обеспеченные электронным дисплеем; а защита головы представлена плотным шлемом и маской с пурпурными визирами на маске, у которой вместо противогаза трубка, отведённая назад.

– Я Дюпон фон Ульрих, – заявил воин бодрым голосом. – Кастилян второго братства первой роты «Розарий», ордена «Пурпурный крест».

– И что же вас сюда привело?

– Мы выполняли задачу по уничтожению передовой энерго-станции противника, откуда питался третий роботизированный полк «Республики» и после выполнения задачи слава Господу поймали передачу от вас.

Данте слегка развеселила та бодрость голоса, рвение и звонкость с которой отвечал Дюпон.

– Хорошо. У нас появилась новая задача.

– Да, мне ваш брат уже сообщил, – Дюпон повернулся в сторону Яго. – Противник приближается, и мы должны защитить позиции.

– Да, только засранцев будет две с половиной, а нас меньше сотни, – возмутился Яго. – Штаб нас бросил здесь и всем плевать.

– Комаров, – Данте не стал обращать внимания на возмущения брата. – Что ты можешь рассказать о противнике? Подготовка? Техника? Вооружение... в общем, нам нужно всё. – Завершил Данте, хлопнув кулаком о ладонь.

– Что тут можно сказать, – задумался русский, посмотрев на небо. – У них из вооружений одно старьё, да ржавая техника. Опасность могут представлять сибирские гренадёры с бронебойными винтовками и гранатами, но у них осталось мало боеприпасов после последней стычки с моим полком, и поэтому будут рукопашные.

– А как с ними эффективнее бороться? – поинтересовался Дюпон. – С Божьей помощью и вашими знаниями мы одолеем врага.

– Всё что стреляет, подойдёт. Армия Российской Конфедерации ещё была чем-то грозным, но вот ошметки вроде сепаратистских формирований ничем примечательным не обладают.

– То есть?

– Любое оружие будет эффективно. Они постараются нападать по фронту, и в то же время совершить фланговый маневр. Нам нужно будет укрепить фланг, иначе нас окружат.

– Я отдам распоряжение, чтобы мы укрепили северные позиции... там как раз остались наши строения, – сказал Данте, с небольшой грустью спросив. – Но кто нам поможет в обороне флангов?

Неожиданно во двор вбежал ещё один солдат, в такой же форме, что и Дюпон, только без креста, громогласно заявив:

– Господин, хорошие новости. К нам подошли две роты ордена «Крылья ветра» и они занимают фаланговые позиции, чтобы нас прикрыть.

– Отлично, – обрадовался Яго. – А теперь на позиции господя. Либеральная погань ждать не будет.

Спустя пару-тройку минут приказы разлетелись по отделению, воины заняли позиции, а Данте смотрит вперёд, не чувствуя напористого ветра, который прорывается через амбразуру в бункере. Севернее штаба лишь перепаханые выжженные поля, где укрыться можно только в воронках и возле груд разбитой техники.

К рации, установленной у воротника, прильнул капитан, тихо говоря:

– Яго, Комаров, Дюпон, доложите о готовности?

– Всё путём, братец... кхм, господин капитан. Мы засели и ждём свистопляски.

– Моё отделение готово встретить противника, – доложил Комаров. – Я всё ещё пытаюсь связаться с полковником для вызова удара с воздуха.

– Мы готовы отразить удар противника, – раздался бодрый голос Дюпона. – Да поможет нам Господь!

Как только Данте узнал готовность подразделений, на горизонте показались части противника, наступающие рассыпчатыми группами по выжженной равнине. БТР и БМП клиньями едут через пересечённую местность, а за ними россыпью идёт пехота. Активировав правый визор, Данте смог приблизить изображение и рассмотреть флаги и штандарты, установленные на первых бронемашинах. Там он видит два вида боевых знамён – первое – зелено-бело-полосатое и голубым полотнищем сбоку, на котором рисуется большая снежинка; второй представляет из себя алое полотнище, на фоне которого воин в сумбурных доспехах и разящий двуглавого орла.

«Эти твари извратили столь прекрасное изображение», – выругался Данте в мыслях.

Их колонны быстрым маршем ступают по опустошённой равнине, неумолимо сближаясь с горсткой защитников, которые с трепетом в сердце ожидают врага. Данте не беспокоится за тыл и фланги, ибо они под прикрытием лёгкой пехоты ордена «Крылья ветра», которая скрылась в развалинах и готова стереть в порошок любого опрометчивого врага.

– Открывайте огонь из «лазигла», – отдал приказ Данте. – Приоритетные цели – вражеская бронетехника.

Тут же, из недр развалин секундными вспышками устремились нити кроваво-алого цвета, настолько тонкие и маленькие, что не верится в их способность остановить технику. Однако точечными ударами они прорезаются через бронелисты и ласкают двигатели машин войны, оставляя в них дыры и плавя важные механизмы. Данте с мрачной ухмылкой смотрит за тем, как машина за машиной стали останавливаться, а их корпуса заволокло чёрным дымом.

– Миномёты! – отдаёт приказ Данте.

Спустя мгновение с поля боя донёсся грохот, а посреди наступающих шеренг противников расцвели пламенные цветы войны, и каждый «ропуск» бутона забирал с собой вражеских солдат.

Но противник не отступает, продолжая устилать телами мертвецов свой безумно-жертвенный путь, словно не ведая страха или здравого смысла. Всё больше военных машин союзников «Республики» поглощал дым, они превращались в банки, набитые трупами. Люди под градом мин пробираются к позициям имперцев, и ещё немного, и они войдут в зону поражения пулемётных гнёзд.

– Чего они ожидают? – смутился Данте.

– Господин капитан, – раздалось воззвание из рации. – Противник себя очень странно ведёт... они прут на наши позиции, как обкуранные... неужто Господь совсем их разума лишил!?

– Я и сам вижу, лейтенант Дюпон. Что-то тут не так...

– Данте!!! – раздался крик из рации. – Нас обходят! С правого фланга полутысячная группа подходит!

– Что?! – капитан ощутил, что его словно по голове ударили. – Комаров, объясни.

– Дери тебя за ногу! Нас обходя-ят! Пол тысячи сибирских гренадёров засекли мои снайперы. Через минут десять они будут здесь!

– Где «Крылья ветра»! – раздался вопль Данте по всему эфиру, который чувствует, будто земля из-под ног выбили.

Капитан почувствовал словно его сердце что-то прокололо, он не ожидал, что их буквально могут кинуть. Побратимы, которые некогда стояли спина к спине с «Палачами», скрылись, отступили и оставили их на произвол судьбы.

– Не знаю! Мы остались одни!

В дзоте, который занят Данте и его десятью воинами, наступила полнейшая тишина, ибо воины ждут приказа командира. Командир повернулся, сжимая от волнений автомат, и посмотрел на своих бойцов. Ему нет нужды вопрошать, все и так понимают суть немого вопроса, отвечая на него бесстрастным кивком.

– Комаров, мы прикроем правый фланг, – бесстрастно сказал офицер и повёл бойцов вперёд.

Через пять минут Данте с горсткой солдат закрепился в развалинах на востоке, подпуская противника по ближе. Остова и стены разрушенных зданий стали плащом, который скрыл присутствие солдат, укрыл огневую позицию. Вокруг капитана только осколки строения, части стен и опалённые фрагменты крыши и мебели. Он кидает взгляд в глубину строения и видит небольшую детскую игрушку, изорванного и прогнившего плюшевого мишку. Невольно парень вспоминает то, как он общался с братом в разрушенном небоскрёбе городка Сиракузы-Сан-Флорен, вспоминает ужасы, которые видел на дороге в город «бога», перед глазами проносятся кошмары детских лагерей в Новом Стамбуле. У него нет жалости, к тем беззащитным кого убивали, лишь ненависть к насильникам. Он понимает, что такой порядок несёт и «Республика», и его поборники уже совсем близко, настолько близко что возникает искушение прямо сейчас отдать приказ и накрыть огнём врага, но рано.

«Тише-тише Данте», – успокаивает себя Данте. – «Ещё рано... ещё минута».

Одна единственная минута стала подобно бесконечности, обострившей все чувства. Вдали капитан слышит непрекращающиеся рокоты орудий, где-то поблизости стрекочут пулемёты, а за укрытием доносится странная речь. Он уже слышал этот говор... этими же словами говорит Комаров со своими людьми, и парень понял, откуда могут быть эти гренадёры.

Сердце забилось в груди с такой силой, что Данте услышал его отзвуки в ушах, шорох вражеской обуви о землю и строительный мусор, которым усеян весь полог перед укрытием. В горле застыл волнительный ком, который превратился в крик, разнёсшийся по эфиру:

– Огонь!

Десяток солдат одновременно подались из-за укрытия, явившись чёрными тенями на фоне полотнища разрухи, и их автоматы звонкой песней загромыхали в один голос, сея зёрна смерти перед собой. Пулемёт на втором этаже зазвенел на всю округу, выпуская рой жужжащих пуль. Данте лицом к лицу встретился с противником – высокими мужиками, на которых надет выцветший мундир в зелёных и белых красках камуфляжа, укрытый бронезилетами. Что ни воин, то настоящий богатырь с широким лицом, заросшим густой бородой, крупного телосложения. В руках Данте снова дёргается автомат и снова он забирает чью-то жизнь, погрузившись в бесчувствие машины, достойного военного механизма.

«И чем мы лучше этих механических... воинов?» – родился вопрос у Данте. – «Разве только тем, что они из металла, а мы из плоти».

Кучный и неожиданный огонь положил первые наступающие ряды гренадёров, а затем, когда патроны в магазинах кончились, Данте размахистым жестом дал приказ отступить. Им вслед мгновенно полетели гранаты из подствольников, которые смертоносным дождём накрыли развалины. Командир слышит, как позади него рвётся снаряды, но не это важно. Ста-

ционный автоматический пулемёт заглох, когда в него прилетела граната, и орудие разлетелось россыпью осколков.

Они спустились в небольшой участок, расположенный между бывшим вражеским штабом и крайним рубежом обороны. Тут некогда цвёл прекрасный парк, теперь тут только большая круглая площадка, вокруг которой скрипят почерневшие ветви деревьев.

– Устанавливайте энерго-барьеры! – Приказывает Данте, смотря за тем, как его солдаты рассыпались и ставят на землю устройства, от которых в ту же секунду поднимается светлоголубое прозрачное поле не менее трёх метров и превращается в выгнутый щит.

Из-за развалин полетели гранаты, но они с глухим взрывом коснулись полупризрачного щита и осколки посыпались на землю, а затем явились сами гранадёры, хлынув через бывшее укрытие.

– Палачи! – криком обратился Данте к отряду. – Мы не ведаем страха!

– Ибо мы и есть сам страх! И да познают враги ужас!

– Не знаем боли!

– Ибо мы и есть боль! И да познает враг страдание! – отозвались небольшим многоголосьем солдаты Рейха, подавшись из укрытия.

Тяжёлые автоматы имперцев загремели раскатами убийственного грома, воздух наполнился запахом пороха. Гранадёры стали падать один за другим, у выхода из развалин – их броня не выдерживала такого напора. Винтовки, похожие на оружие древности, в руках сибиряков ахнули, поглотив дуло в пламени, и пространство дрогнуло от хлёстких и режущих слух звуков выстрелов. Та немногая брусчатка, устилавшая землю парка, с глухим стуком стала отлетать фонтаном осколков, а гранаты подствольных гранатомётов вздымали вверх куски камня и истребляли деревья, обращая их в россыпь щепок.

Данте отстреливается как может и его автомат не на секунду не утихает, ствол на конце раскалился до красна, превратившись в багровый кусок металла. Капитан услышал ляг и его орудие смолкло за неимением патронов, и офицер отстегнул обойму, потянувшись к следующей. Только его рука коснулась металла на поясе, как в него со всего бегу врезался человек и Данте успел только заметить размытую зелёно-белую фигуру с бородатым лицом.

– Проклятье! – выкрикнул Данте и отбросил автомат, цепляясь за гладий на поясе.

Штык, прикрепленный к винтовке, устремился в горло парню, но он его со звоном отбил, высекая на древке оружия отметину и мгновенно нанося косой восходящий удар. Лезвие рассекло губу противника, но Данте не остановился и снова направляет меч по косой, на этот раз уже в шею, но враг отскочил.

– Слава свободе! Слава Сибири! Слава Российской Конфедерации! – на непонятном для Данте языке закричал воин и снова попытался проколоть капитана, но офицер мгновенно вынул пистолет и выпустил три ярких луча в торс противника. Энергия прожгла бронезилет и просекла сердце, отчего солдат покачнулся и упал.

Вокруг Данте творится хаос. Кто-то ещё отстреливается, пытаясь отбросить обезумевшего противника, а кто-то сцепился в смертельной рукопашной схватке. Капитан приметил, как одного из его солдат повалили и, сверкнув начищенными штыками, закололи его.

– Отправляйтесь в бездну! – крикнул Данте и швырнул гранату, которая со звонким брэнчанием прилетела десятку противников под ноги и мгновенно взорвалась; волна жаркого пламени поглотила вражеский отряд.

Пистолет командира затрещал, засыпая противника лучами смерти, но вот ещё один враг сблизился с Данте, совсем не похожий на других.

– Смерть тиранам! – закричал высокий черноволосый и густобородый мужик, тело которого защищено костюмом странного типа. Пластинчатая кираса скрыла корпус, на груди сияет «личное» зеркало в виде толстого диска на котором гравировка восьмиконечной снежинки; ноги скрыты за уплотнёнными остроносыми высокими сапогами алого цвета, накрывающие

плотные поножи, прикрытые доспешной юбкой насыщенно-зелёного цвета, а сзади виден источник питания – небольшой горб, внутри которого батарейка, поддерживающая внутренний каркас и не дающая воину рухнуть под напором тяжести одежды.

Данте отвлекся от созерцания брони, когда на него сбоку с диким рёвом бросился враг, но тут же был встречен россыпью ярких лучей, заставивших его упасть на брусчатку. Мгновенно Данте направил пистолет в лицо могучему врагу и разрядил всю батарею, но энергия встретила с прозрачным силовым барьером, который играет роль забрала, исходя от верхней и нижней части шлема.

– Ах-хах-аха-хах! – издевательских расхохотался воин, обнажив длинную саблю, которую взрослый мужчина удержит только двумя руками, а этому она как лёгкий ножик. – Ты зри, почти все твои друже, и ратники усопли!

Данте не понимает речи врага, но с отчаянием, застывшим в сердце, видит, как пять из десяти его воинов пали, а остальные всё ещё отбиваются, прижатые к земле немногими выстрелами и отстреливающие нападающих.

Сабля скользнула по воздуху и ударила в то место, где только что стоял командир «Палачей». Лезвие рассекло брусчатку и мгновенно устремилось в бок, могучий боец совершил круговое движение. Данте спасся от рассечения только тем, что отпрыгнул назад, но тут же ему снова пришлось отступать, ибо противник размахался саблей, словно это молот, с грохотом разбивая острозаточенным лезвием камень под ногами.

Как бы сейчас хотелось капитану отдать приказ «приоритетная цель» и показать на этого техно-воина, но эти слова отвлекут его солдат от множества иных врагов, что станет для них фатальным, и приведёт к смерти.

– Тебе мене не достигнути! – самодовольно заявил воин.

Пальцы офицера стянули ещё одну гранату, похожую на цилиндр. Осколочная тут будет бесполезна и Данте это понимает. Он срывает чеку и швыряет чёрный металлический предмет прямо в лицо техно-ратнику и мгновенно отворачивается. Тут же раздался хлопок и пространство заполнил истошный писк, накрывший всё вокруг и, подождав пару секунд Данте слышал пронзительный крик. Звукошумовая граната взорвалась прямо перед глазами командира гренадёров, и он беспомощно мечется и размахивает саблей во все стороны, рассекая воздух беспорядочными ударами и сыпля матом и проклятиями.

– За тысячника! – раздался крик справа на который капитан резко отреагировал и лезвие гладия встретилось с наточенными штыком, отбив его.

Ещё один выпад и офицер Рейха так же отразил удар, однако мгновенно последовал ещё один тычковый выпад.

– Смерть предателям! – раздался позади голос и Данте, отбившись от штыкового замаха на мгновение обернулся.

Пять солдат окружают Комарова и один из них несёт на плече тяжёлое орудие в виде трубы, на конце которой ромбовидный снаряд.

Данте не было времени смотреть за подкреплением, штык миновал его возле горла и ещё враг подобрался сзади, занеся винтовку для удара. Но быстрая помощь автоматчиков Комарова расчистила вокруг Данте пространство.

– Ах ты имперская москалина проклятая! – чуть прозревая, возопил тысячник гренадёров, и только подняв саблю, направился к новопришедшим, как капитан отдал приказ:

– Вали его!

Гранатомёт взревел и со свистом снаряд отправился в полёт. Взрыв расцвёл прямо на груди могучего ратника и от напора он завалился на спину, раздавив брусчатку и пару трупов гренадёров.

– Огонь-огонь-огонь! – кричит Комаров, показывая на врага, и его собственный автомат из двух стволов выдал крепкую очередь, присоединяясь к аккорду орудий; в один момент застрекотали сотни пуль по броне противника, гранатомёт снова взвыл и доспех озарил взрыв.

Тяжело поднявшись, лихой воин потерял былую рьяность к битве. С глазами, внутри которых горит пламя ярости и страха он пытается отойти, но ещё один залп гранатомёта угодил ему в руку и пронзительный грохот взрыва разорвал конечность, которая разлетелась кусками металла, резины проводов и плоти. Сабля отлетела в сторону и перезвоном прокатилась по брусчатке.

– Отход! – прокричал тысячник и побежал; вслед ему и его солдатам ударили очереди, оружие гроыхало и стреляло до тех пор, пока враг не ускользнул обратно в поле.

Данте убрал гладий в ножны и осмотрелся. Бывший парк обволокло облако порохового дыма, перепаханная брусчатка усеяна телами погибших, а далёкие звуки бытвы всё ещё доносят напоминание о том, что битва в самом разгаре.

– Данте, вы как!? – обратился Комаров, и имперец осмотревшись, с ужасом увидел, что от его отряда осталось только три человека, которые ковыляющей походкой подходят к нему.

– Кто э-это б-был? – тяжело спросил Данте.

– Один из сторонников «свободной Сибири» и бывший командир гренадёрского корпуса. Та ещё тварь, если честно. Жалко, что мы его не прикончили.

– От-куда так-ая з-злоба? – тяжело молвит капитан, пытаясь прийти в себя после боя.

– Ты бы знал, что произошло после «Ночи Справедливости».

– Расскажешь об этом?

– Когда-нибудь, но не сейчас.

– По-почему шты-штыковая?

– У них кончился боеприпас, по-видимому. Что ж, эту атаку мы отбили, но нас прижали там.

– Каково состояние боя? – уже более спокойно спросил капитан. –

– Фигово. Противник подобрался к нашим позициям, у твоего брата и Дюпона потери в пятьдесят процентов личного состава. Они там справляются... пока. Но нас сейчас задавят.

– Почему?

Комаров перекинул автомат за спину и, жестикулируя, приказал солдатам рассыпаться и занять укрытия, подготовиться к новой волне атак. Данте видит, что в глазах Комарова пляшет напряжённость, но не лицом не голосом капитан этого не выдаёт.

– Мы связались с полковником. Его разведка сообщает, что в нашу сторону движется роботизированный полк «республики», а гренадёры сейчас перегруппируются и снова пойдут в атаку.

– Не думал, что всё так кончится.

– Вы хоть готовы дальше сражаться?

– Палачи! – немедленно воззвал Данте. – Мы не бежим!

– Бьёмся до последней капли крови!

Только Комаров захотел обрадоваться самоотверженности имперских солдат ордена, как раздался крик одного из солдат, вернувший всех к реалиям войны:

– Контакт!

Данте, ломясь от усталости, вставил новую батарею в пистолет и навёл его на разрушенную гряду построек, откуда ранее явились гренадёры. Сейчас там замешкали какие-то металлические тонкие солдаты, выкрашенные в белый цвет. И твари из металла явились на яви, вступив в бой, их пистолеты пулемёты затрещали короткими очередями, наполнив пространство роем мелких пуль. Ответом им стали разрывные снаряды автоматов горстки солдат.

Данте смирился с тем, что можно умереть и отдать душу в руки Бога, но не может примириться с мыслью, что его жена и дочь останутся одни. «Почему я остался служить? Чёртов

Рейх обрѣк моих родных на одинокое существование!» – появились мятежные мысли в разуме парня, но он мгновенно их отогнал, но пришла новая:

«– По твоей вине они останутся одни», – прозвучала мысль, сулящая расколом разума, но капитану не до переговоров с самим собой, и он её подавляет, думая, что ему нужен отдых.

Как только Данте всё это прокрутил в голове и глас зловещий его отпустил, его охватило уныние за то, что он больше не увидит жену и дитя. Дрожащей рукой он поднял пистолет, прицелившись и поймав на мушке первого робота. Вокруг снова лают автоматы, и только приготовился открыть огонь, как позади него раздался оглушительный залп.

Взрыв прогремел в старом здании, разметав на металлические осколки вражескую технику, а затем раздался громким грубым многоголосьем торжественные крики:

– За Рейх!

– За Канцлера! За Императора!

– Покараем нечестивых!

Повернувшись, Данте узрел грубый коробчатый танк, покрашенный в чёрный цвет с массивной пушкой, которая с оглушительным залпом выдала ещё один снаряд. Не менее двух сотен солдат в серых шинелях и чёрных бронежилетах, хлынули в разрушенный парк и залповым огнём энерго-ружей рассеяли толпу противников, которая должна была наплыть через укрепления. До позиций защитников донеслись запахи расплавленного металла и сгоревших проводов.

– Наши с нами! – обрадовался Данте. – Вперёд солдаты, за Господа, Канцлера и Рейх!

Вовремя пришедшее подкрепление спасло о, и он стал отходить назад, повернувшись спиной к полю боя. Впереди он видит поток обычных солдат, которые без страха идут вперёд.

– Где ваш командир? – взяв за шиворот первого подававшегося солдата, спросил Данте.

– У танка!

Пройдя ещё пару метров, капитан наткнулся на человека в чёрном кожаном пальто, торс которого укрывает крепкий панцирь. Грубое лицо отчасти скрыто съехавшим шлемом и на капитана тут же метнулся глубокий взгляд светло-голубых глаз. Высокого роста человек стоит за танком и что-то активно говорит в рацию, но когда увидел младшего офицера, он отложил устройство, сказав:

– Конец связи.

– Орден «Палачей». Первый капитан роты «Тени» Данте Валерон, – представился парень, не снимая маски с противогазом.

– Командир ервого отдельного батальона тринадцатого мотострелкового полка «Милан» майор Фридрих Вар.

– Я благодарен вам, что вы пришли... вы спасли нас, – благодарит Данте, убирая пистолет в кобуру.

– Не стоит. Таков был приказ генерала.

– То есть? – смущённо спросил Данте. – Вы же согласно приказу должны удерживать плац к югу отсюда.

– Задача поменялась. Теперь мы должны отправиться в северо-восточную деревню, подавить там сопротивление и укрепить позиции для встречи с подразделениями Директории Коммун.

– Но они должны ударить по деревне в течение часа, – вмешался Комаров.

– Нет. Десантный батальон должен их задержать, после чего он отступает в деревню, которую мы займём. А теперь простите, мне нужно продолжить наступление.

Данте, усталый и потрёпанный пятится назад, от оркестра битвы. Противник отступает, и пехота Империи переходит в нескончаемое наступление, громя и ломя сопротивление. Вот-вот имперский орёл воспарит над этим местом.

– Что будешь делать, Данте? – спросил подошедший Комаров. – У меня приказ от полковника поддержать вас до его подхода в этот город.

– Консул ничего не передавал, но чувствую, он прикажет поддержать наступление на деревню и держать оборону от Директории. Но мне всё интересно, а куда делся «Крылья ветра»... нас же просто оставили на растерзание... странно, – задумался капитан, спросив Комарова. – А ты что на небо засмотрелся?

– Кажется, дождь собирается... чувствую, будет гроза.

Красные ястребы

Семь часов вечера. Деревня Виль.

Дождевая стена застлала всё поле боя, а грузные плотные облака скрыли солнце, набросив непроглядный мрак на место битвы. Данте смотрит через окно на то, как силы противника попытались устроить танковый прорыв, но вся их техника охвачена жарким пламенем и горит, раскрасив широкое поле кострищами. Приплюснутые танки серо-матового цвета, хлынув целой колонной на деревеньку, и встретились с десятком лазпушек, заградительный огонь которых преодолеть не смогли и теперь бронетанковый кулак Директории Коммун стоит в огне и не движется.

Данте из окна второго этажа бесстрастно наблюдает за происходящим. Пехота врага отчаянно пытается продолжить наступление, но она столкнулась с пулемётным и лазерным огнём, дождём миномётных залпов и взрывами артиллерийских снарядов. Отряд капитана, состоящий из последних, кто стоит на ногах, численностью в двадцать человек, отстреливает противника из треножного автоматического гранатомёта, заливая поле боя ливнем смертоносных снарядов.

Деревня, состоящая из десяти домов, расставленных вдоль дороги, стала местом обороны имперского батальона от тысячи человек и полсотни танков из Директории Коммун, решивших прибрать к рукам город Раддон. Усталые и побитые, но не сломленные «Палачи» в сопровождении двадцати воинов из «Пурпурного креста» и отделения Комарова, закрепились в окраинных зданиях и обеспечили прикрытие от возможной атаки врага с севера. Данте, без чувств, смотрит, как уже битый час враг пытается их достать, но единственное, что он может, так это пытаться танковыми залпами и стрелковым огнём поразить цели, однако каждый оружейный «голос» Директории быстро умолкает, стоит ему «заговорить».

– Отделение «Теней», доложите обстановку. – Раздалось требование из рации Данте, и он тут же ответил.

– Господин Консул, мы продолжаем удерживать позиции. Противник осуществил попытку прорыва, но был остановлен и сейчас сдерживается.

– Хорошо.

– А что с подкреплением, господин Консул? У нас боеприпас не бесконечный, да и такое ощущение, что на место одного убитого встают два новых врага.

– Этот вопрос решается. Конец связи.

Рация отключилась. Данте снова всмотрелся в поле боя и видит там лишь симфонию смерти. Солдаты, прячась у разбитых танков, пытаются начать наступление, но пулемётчики Рейха каждую попытку жестоко пресекают и пронзённые пулями тела устилают поле. Можно спокойно наблюдать за этим, если бы не мысль о том, что боеприпасы кончаются и если так дело продолжится, то пехота Директории просто задавит их.

– Эх, и вот за что мы душонки свои ложем тут? – неожиданно возмутился Яго, находясь в одной комнате с Данте. – Воевать против мракобесов и мелких царьков прошлого мира это одно, но вот на кой мы полезли бодаться с титанами, сила которых равна нашей силе? Эх, если бы не эта война я бы сейчас уже ужинал... а так, приходится терпеть всё это.

– Ради будущего, – тут же ответил Данте, не найдя лучшего ответа, продолжая смотреть на то, как лазерные лучи пушек рассекают пространство над полем. – Или ты хочешь, чтобы люди жили под пятой либшизы, как говорит Комаров, или на них висело ярмо безбожного коммунизма?

– Да в бездну это всё. Мне плевать на то, что говорит Комаров и его дружки. Чую я, у него свой интерес в этой сваре, да и ты на наш Рейх посмотри. А мы чем-лучше-то? Буквально неделю назад видел, как по приказу нашей Церкви сожгли целый дом.

– И почему же?

– Потому что там была библиотека.

– Ах, вспомнил. Это же было хранилище всех книг еретических культов и «мистиков» Континентального кризиса. Знаешь, я даже рад, что её предали огню.

– Да какая разница! Ты разве не видишь, что происходит с Рейхом? Мы все идём под диктат Канцлера... расстрелы, показательные суды, запрет верить, во что хочешь.

– А будто ты этого раньше и не видел. По-моему, Канцлер с этого и начинал. Яго, ты совсем память потерял? – усмехнулся Данте.

– Я надеялся, что когда всё наладится, Канцлер ослабит железную хватку, но всё получилось наоборот. Ох, не об этой жизни я думал.

– Может ты хотел бы вернуться в Сиракузы-Сан-Флорен нашей молодости? – Данте повернулся к Яго, и брат ощутил лёгкое осуждение в глазах брата, несмотря на то, что его очи скрыты за линзами маски. – Может, хочешь, чтобы весь мир прозябал в таком запустении?

Яго уже готовился раскрыть рот для ответа, но внезапно на второй этаж вбежал воин, громко доложив, и его голос разнёсся на всю пустую комнату, отразившись слабым эхом от белого потолка и такого же цвета стен:

– С севера! Враг наступает с севера!

– Тише, Вергилий, – потребовал Данте. – Доложи всё подробно.

– Господин капитан, элитные войска Директории Коммун обошли нас севера. Они разбили рассеяли передовые взвода и приближаются к деревне.

Ноющее от боли плечо не позволило быстро схватиться за автомат, но всё же Валерон подтащил к себе оружие и закинул его.

– Вперёд, брат. На войну, – сдержанно ответил Данте. – Вергилий, передай мой приказ – пусть отряд готовится на улице к выходу. Готовность три минуты.

– Есть, господин капитан.

– Нужно шумануть Дюпону и этому... Комарову.

– Я этим займусь, а ты иди готовь солдат, – сказал Данте и быстро прильнул к рации. – Дюпон, приём?

– На связи! – раздался бодрый голос.

– Принимай пост обороны. Мы выдвигаемся на север для остановки сил противника.

– Есть. Да поможет вам Бог!

– Комаров, – сменив канал, воззвал Данте. – Комаров, приём!

– Да, – послышалась грубая меланхоличная речь. – Комаров на связи.

– С севера наступает противник и у нас задача не пустить его в деревню. Ты с нами или останешься на обороне?

Спустя пару секунд молчания, пришёл ответ:

– Мы поддержим вас в контрнаступлении.

– Хорошо, жду вас на улице через четыре минуты. Конец связи.

Данте помедлил перед выходом, его рука воспоминаний одёрнула перед выходом и в памяти возникли образы семьи, картины того, что он может потерять. Там, за стеной здания рвутся наряды и гибнут люди, а его сознание унесено в далёкий град на семи холмах, где среди зелёных кущ Императорского паркового ансамбля он гулял с женой, наслаждаясь ароматом цветов и прохладой. Даже сейчас на мгновение аромат пороховой гари и вечерний жестокий хлад отступил перед воспоминаемыми чувствами.

– Ох, Сериль... – прошептал Данте.

Как бы он хотел сейчас быть в Великом Коринфе и гулять с семьёй, не видеть крови и смертей, не слышать громогласных барабанов войны, но таков приказ Канцлера, такова воля его родины и он должен её исполнить. Таков долг. Он спустился на первый этаж и, минуя позиции стрелков Дюпона, скрипнув деревянной дверью, вышел на улицу, где его ждала приятная неожиданность. Через сгущающийся мрак, достаточный для того, чтобы не включить ночное видение, он разглядел три десятка солдат в серых шинелях с лёгкими бронежилетами, но вооружённые длинными лазвинтовками, выполненными в стиле мушкетов. Они стоят возле чернобронных «палачей» и облачённых в цвета ночи воинов Комарова.

– Я младший лейтенант-командир Франц Гэб.

– Франц Гэб, – вторит полушёпотом Данте. – Что вы тут делаете? Ваше место на у командира батальона, вы же охранный взвод, младший лейтенант.

– Нас отправил майор вам в помощь. Он думает, что к нам движутся части десантного полка и вам понадобится помощь.

– И насколько они хороши, ваш майор не уточнил?

Внезапно раздалась пальба со стороны дороги, громкие звоны пальбы донеслись с криком, суть которого Данте понял, хотя речи людей Комарова не понимал:

– Контакт!

– Как они обошли системы обнаружения!?! – раздался крик отчаяния.

– Не важно! Отстреливаться!

Явившись из тени, странные воины неведомой страны под жужжание необычных орудий, вошли в пламя битвы. В серой облегающей броне, полностью скрывающей тела, с алыми беретами на голове, ударил противник. В его руках слегка дёргаются тонкие серебристые автоматы с длинной обоймой, за которые держатся солдаты, посылая из узких дул иглообразные снаряды, что со страшным свистом рассекли воздух.

Данте пал в грязь, прямо у порога, спасаясь от вездесущего роя пуль. Солдат рядом с ним рухнул бездыханным телом на землю, и капитан увидел, что из его брони торчит четыре шипа, впившиеся в грудь.

Рейх ответил громогласными взрывными очередями по юрким бойцам, и серая броня треснула. Двое из пятнадцати десантников встретились с вихрем разрывных снарядов и их панцири треснули, серая поверхность раскрасилась алой кровью.

– Контрнаступаем! – приказывает Данте.

Капитан поймал на прицел десантника и завалил его градом пуль, вспахавшим груд. Тут же он перевел автомат и засыпал смертоносными залпами противника. Яго с отделением отошёл в бок, скрывшись за зданиями, и ударил с фланга, давая солдатам Рейха и Комарова сыграть роль молота. Ощувив давление сбоку, десант не пошёл вперёд, дав провалиться удару во фланг.

– Проклятые умники! – выругался Яго, понимая, что его выманивают на открытое пространство дороги, где его изрешетят.

Сменив обойму и скрывшись за углом крайнего строения перед дорогой, он приказал держать позиции. Враг сместился в другую сторону, уйдя немного к линии фронта, но там, рискуя жизнями, по ним ударил Дюпон. Неслышно покинув дом, скрываясь за тишиной, они уподобились коварному кинжалу, занесённому у горла. «Пурпурные кресты» сблизились с противников и на близкой дистанции открыли стрельбу. Тяжёлые автоматы озарили пространство сверканием, отделение десанта тут же захлебнулось в крови и огне, пытаясь отойти.

– За Господа, Канцлера и Рейх! – прокричал Дюпон, переходя в наступление.

– Я благодарю вас, – сказал в рацию «Пурпурным крестам» Данте. – Но, пожалуйста, вернитесь на прежнюю позицию.

– Хорошо, – смирился Дюпон. – Да будет на то воля Его.

Данте махнул и повёл остатки воинства за собой, приказав им распределиться звеньями. Тридцать пять человек рассеялись возле дороги малыми группами. По центру сзади тянутся люди Комарова, прикрывая тыл, а перед ними солдаты батальона. С правого фланга, ближе к линии фронта тянется отделение Данте, а с лева от дороги идут воины под командованием Яго.

– У них впереди мобильный штаб, – говорит Данте. – Мы должны его обнаружить и уничтожить.

– Ave Commune! – раздались впереди крики. – Да падёт смерть с небес на врагов народных!

Имперцы встретились с огненным сопротивлением и снова странные иглы сол свистом растерзали пространство. Данте присел на колено и его автомат загрохотал, сея зёрна смерти, немедленно восходящие и приносящие ужасающие плоды. На выжженной земле, где даже трава стала практически золой, негде спрятаться и единственным укрытием становится броня. Не менее двадцати солдат преградили путь перед штабом.

– Нужно прорываться! – кричит Яго. – Эти засранцы нас долго не удержат!

Огромный вертолёт, под сенью лопастей которого расставлены ящики и контейнеры, обложенный мешками с песком и обрытый траншеями и укреплениями, стал оплотом Директории Коммун на этой линии соприкосновения. Тихие лазермёты открыли огонь, и пять сотен метров не стали непреодолимым расстоянием. Тонкие нити энергии сверкнули над полем и едва не задели одного из солдат императора.

– Нас прижимают!

Взвод батальона из Армии Рейха попытался наступать по центру, но столкнулся о лазерную стену, вкупе со штормом пуль десантников. Люди кричали и выли, воздух наполнился тошнотворным запахом горелого мяса, один за другим солдаты падали с обожжёнными или оторванными конечностями, куски тел в миг зажаривались.

– Стоять! – приказал своим младший лейтенант, понимая, что дальнейшим продвижением угробит взвод.

Валерон махнул рукой и повёл людей бегом по длинной дуге, пытаясь обойти выступающую траншею, где окопались расчёты лазпушек. За две минуты боя им удалось совершить манёвр, оставаясь практически незамеченными. Данте со своим отрядом обошёл врага и открыл огонь. Серые костюмы не выдержали и треснули, десантники стали умирать один за другим и бросились отступать.

– В атаку! – устало приказывает Данте. – Общими усилиями мы их задавим!

Огромный вертолёт, ставший штабом, окопался и два десятка солдат пытаются его удержать. У капитана в строю восемь бойцов, у Яго столько же и только Комаров сохранил всю десятку. Остатки взвода понесли устрашающие потери и более не пытаются наступать.

– Нас вдвое больше! – самонадеянно заявляет Данте. – Мы их раздавим. Вперёд!

Орудия продолжают неустанно выть, и солдаты наступают, сближаясь с укреплённым вертолётom. Данте видит, очертание летательной машины – приплюснутый, но длинный, с двумя лопастями и крылами, под которыми покоятся автоматические орудия. Данте прилёт на пропаханную и смердящую гарью землю и через прицел разглядел корпус «лазермёта», и как только оружие оказалось на образе перекрестия, капитан залил его звенящей очередью. Стрелка отбросило назад, а пули разбили на металлолом «карающую руку» Директории.

Данте разглядел на вертолёте символ – алая звезда, внутри которой восемь чёрных стрел и это вызвало поток радости. Это знак штабной машины, внутри которой, по-видимому, сосредоточен центр наступления или даже может быть человек, отвечающий за командование.

– Наступаем! Это командный вертолёт. Накроем его и сорвём наступление Директории! – криком и взмахом приказывает Данте.

– Ave Commune! да падёт смерть с небес на врагов народных! – пытаются поднять себе дух десантники.

Игло-пули оказались эффективным средством и ими уничтожены все обычные солдаты Армии Рейха, но Данте всё равно. Под его командой всего пол десятка бойцов, однако капитан окупился в транс битвы и его манит единственная цель – уничтожить противника и выжить всеми силами при этом. Инициатива на его стороне, однако, чаша весов битвы поспешила качнуться в иную сторону:

– Мы вас покидаем, – посреди битвы, подобно грому посреди зимнего неба прозвучали слова Комарова.

Данте почувствовал, что его будто ударили мешком по голове. Нецензурная брань Яго, разливающаяся по эфиру бурной рекой, заглушена воем битвы, залпами орудий и агонией умирающих.

– Ты не можешь этого сделать, Комаров! – Доносится гневный крик Данте.

Капитан оборачивается, но не видит поддержки сзади, только спины уходящих солдат, которые бегом отходят к деревне.

– Нам поступил приказ от полковника. К городу Раддон движутся технопехотные части Директории Коммун, и мы должны укрепиться.

– Если мы сейчас уничтожим штаб, наступления не будет! – захлёбываясь от гнева, кричит Данте.

– Таков приказ нашего полковника. Если не отступим, враг займёт Раддон. Мы отходим. Конец связи.

Данте почувствовал гнетущее и тоскливое ощущение одиночества, оставленности. Перед ним штаб, как лакомый кусок, желанный трофей, до которого какая-то сотня метров, но в то же время он бесконечно далёк. Расстояние между сторонами готово возгореться от количества пуль, оно сейчас освещено трассами и вспышками автоматов.

– Капитан! Нужно отходить! – кричит один из воинов Данте. – Контрнаступление захлебнулось!

Офицер смотрит вокруг себя и видит, что только лишь горсть ратников остались в строю, сражаясь против около пятнадцати десантников. Кто-то сбоку вскрикнул от боли и мгновенно умолк. Огромное количество мертвых, много раненных, чей вопль сильнее гула орудий и мало выживших, ведущих отчаянный бой.

– Нужно отходить!

Ещё один игольный снаряд достал имперца, пробив ему горло и повалив наземь. Товарищи уже спешат к раненному. В гневе Данте швыряет последнюю гранату, но она не долетает и взрывается прямо перед окопом, окатив грязью и кусками земли десант марая их чистую броню, и ярость чистый гнев охватил душу капитана. Он готов рвать волосы на голове, но от этого мало толкую

В этот момент в голове Данте промелькнула страшная, жуткая мысль, оказавшаяся на грани паники.

«Это конец крестового похода», – безумная дума заставила Данте опустить автомат. Впервые они встретились с врагом, с которым им не совладать. Бессильная злоба утихает, становясь тлением души, распаяя ноющее отчаяние. Перед ними десант – элитный полк Директории¹¹, а не оборванцы из городов, ставших могилой и кладбищем одновременно.

«Мы не справимся... это конец», – мысль стала результатом всего дня и Данте это понял. Либеральная Капиталистическая Республика была достойным врагом и существенно замедлила их наступление, но Директория, здесь и сейчас, стала непреодолимой преградой. Да, они у деревни отобьют её наступление, но и дальше не продвинутся, и начнётся позиционная война.

¹¹ Полки Директории – элитные подразделения Директории Коммун, предназначение для выполнения специализированных задач. В отличие от остальных вооружённых сил комплектуются лучшим вооружением. Численность полка может варьироваться от 3000 до 5000 человек, в зависимости от возложенного предназначения.

Капитан увидел, что на фоне тёмного неба появились машины, ещё одни летательный аппараты, несущие в себе ещё десантников.

– Отходим! – отдал долгожданный приказ Данте, смотря на ладонь, сжимающую серебристый обитель дымовой завеси. – Забирайте раненных и отступаем! Нам не одолеть красных ястребов¹².

¹² «Красные ястребы» – собирательное название воинов Дирректории имперцами.

За флягой крепкого «чая»

Полночь. Вздвонная столовая.

Мужчина с чёрным волосом и изумрудными зелёными глазами задумчиво смотрит в кружку. Его разум не отпускает мысль о том, что он уже два раза слышал чей-то голос, звучащий будто изнутри него и при этом, каждый раз его накрывало жуткое чувство вины. Каждый раз он не мог понять, что это? Да, несколько дней он полностью отдан войне, но не могла же она так сыграть на его здоровье ума? Прилагая силы он исторгает все мысли из головы, да и речь друга помогает сконцентрироваться на чём-то другом:

– Говорят, Канцлер будет заключать договор с Директорией Коммун и Либеральной Капиталистической Республикой, – сказал среднего роста человек, с рыжим коротким волосом, смотря на собеседников пронзительным взором голубых очей, а на треугольных очертаниях лица и тонких губах пляшут тени.

Тут же, посреди стен из брезентовой ткани, между которыми раскинулось не менее десятка квадратных пластиковых столов, пронеслось возмущение:

– Да как же так можно! – автором мятежного слова стал мужчина атлетического телосложения, с квадратными грубыми очертаниями лица, коротким чёрным волосом и насыщенными зелёными глазами. – Вергилий, ты что несёшь?

– Похоже, что так, – взглянув изумрудными, как летние поля зелени, глазами на единственную навесную лампу, сказал человек с утончёнными гранями лица, стриженным по плечи смольным волосом. – Знаешь Яго, сегодняшней день должен был показать тебе, что крестовый поход окончен.

Три человека собрались под лунным освещением неоновой лампы, залившей холодным светом всё пространство. Данте посмотрел влево, там раньше была стойка с едой, а теперь только единственный ящик, в котором провизоры оставили старые сухие пайки. Справа что-то колыхнулось, и в палатку прошёл другой человек, иначе одетый, чем собравшиеся имперцы, на телах которых тканевая чёрная рубашка поверх брюк такого же цвета, а стопы утянули туфли.

– Ах, вы собрались здесь.

Вместе с фразой в палатку подалось полумеханическое существо, на котором при каждом шаге развивается алый табард и плащ, с глубоким капюшоном, полностью скрывший тело, но вот безжизненный голос с нотками механики выдаёт сущность говорящего.

– Андронник, давай к нам, – зовёт «гостя» Данте. – Четвёртым будешь.

– Давай, залетай, – зазывает Яго. – Мы тут обсуждаем, что ещё наша страна выкинет.

Андронник не стал спорить или отнекиваться. Он тихо и спокойно сел рядом, слушая возмущения Яго.

– Я не понимаю! – Валерон хлопнул по белой крышке стола. – Мы стольким пожертвовали, столько хороших парней отдали жизнь и ради чего? Ради одного вшивого городка?

– Ты же сам хотел, чтобы война закончилась? Али нет? – с ехидством спросил Вергилий, смотря на застывшее недовольство на лице капитана. – Вот, Канцлер и решил прекратить, как ты всегда выражался, непонятную войну.

– Ну, какой же он тогда мужик! Взятся за дело – будь добр довести его до конца! Если нет, то это тепло, а не мужик!

– Брат, любимый, это «тепло», с твоих слов, смогло возродить наш дом. Он поднял целую страну, воссоздал из пепла империю. Если бы не он, мы сейчас бы прислуживали коммунистам или «либшизе», как говорил Комаров. И я даже не знаю, кто из них хуже.

– Не упоминай об этом подонке! – воскликнул Яго. – Он нас кинул, и я не хочу о нём ничего слышать! То Рейх ведёт себя не понять как, то союзники подставляют... что за проклятый день.

Данте и сам полон сожалений об этом дне. Если бы Комаров не ушёл, то штаб Директории пал, и наступление армии страны абсолютного равенства узнало, что есть крах и поражение, как он сам думал. Да, их удалось удержать, но не более и Валерон желал бы ещё и отбросить их на пару десятков километров на восток.

– Брат... таков был приказ его полковника.

– Да плевать! Своих не бросают.

– Я думаю, мы бы поступили так же... в конце концов присутствие его полка спасло Раддон от наплыва армии Директории.

– Андронник! – неожиданно воскликнул Вергилий. – А что ты нам поведаешь?

– А что вам можно рассказать? Я могу привести сводку данных, могу вам рассказать о целесообразности мирного договора, который завтра будет заключён и о малоэффективности дальнейших боевых действий.

– Ох, – Яго потянулся под стол, к своей сумке. – Прошу, не грузи нас этим.

– Я всего лишь хочу вам сказать, господин Яго, что вы не правы. Продолжать Святейший крестовый поход больше не имеет смысла, так как мы столкнулись с противником, который сражается с такой же эффективностью, что и мы. Нет больше стран, которые могли бы быть покорены без применения ядерного вооружения и колоссальных потерь.

– Я согласен с нашим жестяным другом, – усмехнулся Вергилий. – Андронник, без обид. За три дня боя мы смогли захватить один город и это не лучший показатель, – мужчина обвёл взглядом скромное убранство столовой, омрачённую тусклым светом. – Я читал, что было в Альпах и в проливе Ля Маншэ.

– Противник смог удержать занятые позиции и отбросить наступающие части Рейха. У Либеральной Капиталистической Республики было преимущество в виде роботизированных военных подразделений, – вмешался Андронник. – Мы не можем дальше осуществлять продвижение на территорию противника.

Наступила напряжённая тишина. Яго было хотел продолжить диалог про то, что Канцлер вообще зря начал эту войну, но если уж взялся за дело, то необходимо его довести до законного финала, а Андронник и Вергилий принялись бы его образумить фактами и словом.

– Ладно, – решил перевести тему Данте. – Меня больше волнует, почему «Крылья ветра», который должен был нас прикрыть, отошёл?

Ордена, о которых вспомнил каждый, явились странным явлением для Рейха. Они могли быть наследниками элитных подразделений первоначальных крестоносцев, но это не так, ибо они продолжатели дела, которое начала гвардия великих полководцев. Десять орденов, стоящие над всей армией Рейха, им даны беспрецедентные для Империи полномочия.

– Меня это тоже беспокоит... наши братья, – с дрожью в голосе заговорил Вергилий. – Те, кто с нами сражался два дня вот так взял и бросил нас.

Данте обратился к воспоминаниям. На его указательном пальце блестит серебряное кольцо, отражая свет тусклых ламп. Память наполнилась воспоминаниями об огне и крови, которые наполнили траншеи Иллирийской Тирании, где он мог обрести гибель, но был спасён. Они пробивались через неистовый заградительный огонь пулемётов, автопушек, огнёмётов и лазпушек, которые превратили участок фронта в подобие выжженного ада на земле. Тогда его рота заняла край обороны противника и оказалось почти в окружении сил неприятеля. Танки и пехота, обличённые в форму цвета густого синего свинца бросились на них, под прикрытием артиллерии. Данте не забыл, как они топили в крови сотни людей, как рвались рядом снаряды и смерть шла среди «Палачей» одного за другим забирая братьев. И когда наступил момент последней атаки – собранный в израненный кулак сводный полк врагов ринулся на выживших

тридцать человек, им пришли на помощь. «Чёрные Судьи», «Крылья Ветра» и «Поборники Справедливости» – все они встали на защиту измученных побратимов, обратив врага в бегство героическим наступлением, несмотря на тот весь ужас, который вылили иллирийцы лазпушками и огнёмётами на вновь прибывших. И то кольцо, что блести на пальце Валерона было подарено одним из капитанов «Судей» в знак вечной дружбы и взаимопомощи... такая практика подарков между орденов закрепилась, и многие воины носят украшения, которые были даны им побратимами.

– Так, а что они вообще тут забыли? – из размышлений Данте вывел недовольный голос Яго. – Их же забросили куда-то на Балканы? Так чего они тут забыли? Кстати, а кто из наших там ещё?

– Судя по данным имперских стратегических карт, и при анализе приказов Координационного совета Империи сейчас базируются в разных частях южных Балкан пять орденов. «Крылья Ветра», «Поборники Справедливости», «Гвардия Рейха», «Чёрные Судьи», и новый, только сформированный в Великом Коринфе – «Серебряные Гоплиты».

– И что они там все забыли? – возмутился Яго.

– Об этом испросили сами Консулы этих пяти орденов, – ответил Вергилий. – Они сослались на боевые действия, которые сейчас идут на Крите.

– После проведения операции «Закат», на Крите, согласно данным имперской разведки, осталось не более полка армии Великого Израиля и полтысячи солдат Аравийских Объединённых Эмиратов. Согласно военным доктринам там необходимо использование авиации и достаточно будет обычной пехоты из Армии Рейха.

Поправляя балахон, Андронник сложил металлические пальцы меж собой, продолжая холодно говорить:

– Судя по приведшим данным из Новой Спарты, ордена даже не принимают участие в боевых действиях.

– Странно всё это, – буркнул Яго, поставив перед собой флягу. – Ну, что, предлагаю отметить, что мы выжили сегодня.

Первый прильнул к серебристой фляжке Яго, немного отпив, и передал её другому человеку, держа за гравировку в виде виноградной лозы, при этом говоря:

– А чем ты теперь займёшься, Вергилий? До меня дошёл слухок, что ты решил покинуть нашу бравую службу.

– Что ж, – отпив немного из фляги, начал мужчина. – Слухи оказались верными, и действительно думаю, что пора. Через недельку думаю подать рапорт и отправиться в Милан.

– А что так? Чегой-то ты решил нас покинуть.

– Знаешь, что-то мне подсказывает, что у Рейха наступают иные времена. Воевать больше не с кем, да и я ещё пожить хочу, а добровольцев у Канцлера будет, хоть отбавляй. Вот прямо чувствую это.

– Тебя кто-то ждёт в Милане? – аккуратно спросил Данте, улыбнувшись и смягчив голос.

– Да. У меня остался там старый отец... держит маленькую книжную лавку. И... – с выражением тепла в глазах, неопишуемой радости, затянул момент Вергилий. – Мари. Она с меня взяла клятву, что я вернусь с этой войны.

– Скажи Вергилий, ты же уже с нами около года гоняешь вражину?

– Да, в славных сражениях объединения Империи мне поучаствовать не удалось. Вы ведь пять лет тому назад хлопнули ядерной бомбой Союз и накрыли Балканы.

– Верг, я помню, что когда мы сошлись с Турецким Султанатом за Константинополь и острова, тебя ещё не было, а во время зачистки северной Африки, – Данте задумался, приложив ладонь к подбородку. – Старой Кирены, вроде, ты шёл со мной в первой роте.

– Всё так, капитан. В Милане был призван и тут же отправлен к вам в орден по специальному запросу о новобранцах.

– Ты ведь этого служил, – Данте взял флягу и резким движением отпил из неё. – Не упомяну только где.

– Да. Сто тринадцатый мотопехотный полк «Налётчик». После него я устроился в полицию.

– Зачем ты к нам вообще пошёл? – спросил Яго, подтягивая флягу – Сидел бы себе в Милане, помогал отцу да жил бы со своей Мари... не, я не осуждаю, просто диву даюсь, зачем ты полез на самый рожон.

– У нас в полиции были учения по результатам, которых мне предложили перевестись в ваш орден и я согласился.

– Ты еле-еле перескочил через четверть века своей жизни. Зачем тебе это? – после вопроса Яго передал флягу Данте.

– Знаешь Яго, сколько бы ты не поносил Канцлера, но он действительно великий человек. До него Милан был помойкой в руках Лиги Севера, и тамошняя армия ничем от банды не отличалась, но после его прихода всё изменилось. Я всегда мечтал достойно послужить своей стране, у меня отец сам был военный.

– Ох, чую я не только в патриотизме дело, – грубовато сказал Яго. – Что-то ты не договариваешь.

– У тебя пронизательный ум, Яго... что греха таить... тут хорошо платят.

– Ради Мари? – тут же, скоротечно и чутко предположил Данте. – Ты копишь деньги для неё?

– Да. Точнее для нас. Мы ещё не семья... хочется после службы хорошо свадьбу отпраздновать и жить нормально.

– Ладно. С этим малым всё ясно, – Яго на секунду умолк, чтобы приложиться к фляге. – А ты сам, брат, куда хочешь податься, когда всё закончится? Вернёшься к Сериль и Марте?

Данте взял флягу из рук брата и немного отпил.

– Да. Я как наш Вергилий – мне тоже пора отдать рапорт и уйти со службы. Меня ждёт жена и дочь. Я пятнадцать лет отдал Империи на службе, а Рейх? Так он теперь в безопасности... не думаю, что найдётся сумасшедший, кто на него нападёт.

– Ага, и нет такого идиота, который бы восстал против власти Канцлера.

После слов Вергилий лёгкий смех прокатился по столовой. Никто не может поверить, что Рейх расколется, а сама мысль о мятеже кажется абсурдной. Как может восстать народ, который был избавлен от ужасов кризиса, которому принесли прогресс и процветание? Сама мысль о восстании кажется сумбурной и смешной, до нельзя невозможной.

– Что ж, ты нас покидаешь, брат. Это я один теперь буду за вас двоих пахать, что ли? Значит, пока вы будите в отцов играть, да на работу по утрам ходить, я с автоматом на передовой плясать по траншеям буду?

– И ты давай с нами, – ретиво предлагает Вергилий. – Найдёшь себе подругу.

– А кто вас защищать будет? Данте и рота – вот вся моя семья.

Данте повернулся направо, и его сердце слабо кольнуло от того, что они забыли про одного из своих товарищей, который глубоко погрузился в собственные размышления и кажется, выпал из их разговора.

– Андронник! Андронник, как же мы могли про тебя забыть... может ты нам поведаешь, что-нибудь? Что будешь делать после войны?

– Я механизм военной машины Империи и нет у меня иной цели, чем служение, – дал холодный ответ Примас-искупитель. – И я продолжу служить Канцлеру до тех пор, пока не функции моего организма не исчерпают себя или он не скажет, что моя служба окончена.

– Кстати, сколько я тебя знаю, ты ничего не рассказываешь нам про себя, – сказал Вергилий.

– Это бесполезно, – кинул Данте. – За пятнадцать лет службы, он ни разу не рассказал о себе.

– Моя жизнь не есть самая величайшая история, когда-либо рассказанная, чтобы её повествовать, – сказал Андронник, указав холодными металлическими пальцами на книгу, которая покоится на поясе Данте и золотыми буквами на её обложке оттиснута надпись «Novum Testamentum». – А посему, пускай она останется со мной.

– Ох, сколько же вы все скрываете! – возмутился Данте. – То Комаров говорил, что не хочет ничего говорить, то ты пятнадцать лет держишь всё в тайне. Такое ощущение, что вы все совершили нечто страшное.

– Нет. Она просто не интересная, – снова хладно отвечает Андронник.

– Ну, хоть можешь дать какое-то наставление... от прошлой жизни, – попросил Валерон.

И после эти слов Андронник взглянул на левый безымянный палец, где на «живом» металле покоится матовый осколок прошлого, впившийся в душу на долгие лета, обвив его золотым кольцом.

– Не потеряй то, что действительно дорого... и я говорю не про Рейх. – Таковы были последние слова Андронника перед тем, как он накиннул ткань на ладонь и вышел прочь.

Глава 2. Поветрие непокорности

Утро следующего дня. Великий Коринф.

Уже давно рассвело и город, огромный конгломерат мегаполисов, освещён тусклым солнцем, скрывшимся за неплотной пеленой серой облачной вуали. Огромные небоскрёбы, «царапающие» верхушками небесную твердь и лачуги с трущобами в пригороде – все они под мрачным светом унылого покрова.

Невообразимо огромный град, раскинувшийся на месте бывшего Коринфа и расположившийся на север и юг, поглотив более мелкие городки, стал местом сосредоточения власти и силы Империи на Балканах, вобрав в себя и Лутраки. Это выражается в исполинских административных зданиях, величественных нетронутых небоскрёбах на севере, частично сохранённой историчности на юге, огромной армии и множестве статуй, что в камне и бронзе увековечили память героев и святых, которых чтит Рейх. В сердце города, на месте, где некогда был пролив, соединяющий два залива, теперь монументальное строение, целый дворцовый комплекс и ансамбль красивейших строений в неоготическом стиле, устремлённых пиковыми башнями к небесам. Именно там сосредоточена вся власть императора, им отображено вся могущество и сила Рейха и показана милость Канцлера.

Однако небольшой семье, живущей в двухэтажном бело-кирпичном доме, близко к южной окраине города, нет дела до того, как и чем выложена неоспоримая слава правителя страны.

– Сейчас-сейчас, подожди пару секунд, – сказала женщина, продолжая копошиться в небольшом ящичке комода, что-то ища.

В прихожей, вытянутой в форме трёхметрового коридора, стоят двое – девочка, лет семи и её мать. Стены, обклеены приятными обоями цвета сухого лаврового листа, слабо освещены светящей диодной лампой под потолком. Чёрный, подстриженный под каре, волос женщины аккуратно обрамлял её утончённый аристократичный мраморно-бледный лик. На женщине чёрная кожаная короткая куртка, подчеркнувшая стройность, поверх тканевого светлого платья.

– Мама!

На девочку, стоящую у железной двери, устремился тёплый взгляд выразительных светло-голубых глаз, обведённых тушью, а рельефные уста растянулись в улыбке, и последовала бархатная приятная речь:

– Да, Марта.

Девочка с длинным чёрным волосом, одетая в чёрную школьную форму, с округлыми очертаниями лица, пухлыми губами и ясными изумрудными глазами, звонким голосом вопрошает:

– Что ты ищешь?

– Сейчас-сейчас... только найду.

Девушка, перебрав кучу карандашей, ручек и прочей канцелярии нашла небольшой баллончик и, подцепив его утончёнными длинными пальцами, спрятала в кармане.

«Ох, Сериль-Сериль, нужно быть осторожнее» – сказала себе женщина.

Каждый выход на улицу в Великом Коринфе это всегда опасность. Сериль помнит, что город, как весь юг Балкан вошёл в состав Империи без войн, без сражений и это не могло отразиться на правопорядке. В остальных регионах, в послевоенное время, всё моментально брала под контроль Имперская полиция, Инквизиция и Армия Рейха, которые до этого полностью вычищали инакомыслие, а тут все силы, которые выступали против власти Императора, просто смолкли и ушли в подполье, тайно накаляя обстановку.

– Мам, я не хочу в схолу! – заявила девочка.

– Почему, миля моя?

– Там Анастас. Он как узнал, что мой папа – военный, стал обзывать.

– Как?

– Говорит, что я «выводок тиранов». Говорит, что мой папа забрал у них свободу.

– Ничего. Я поговорю с вашим руководителем в классе, чтобы Анастасу сказали, что так нельзя говорить.

«Почему же Империя ничего не делает?» – возмутилась в мыслях Сериль, вспоминая, что нападки в сколе это одна из самых безобидных проявлений ненависти здешнего населения к сторонникам Канцлера, ибо большинство коринфян думают, что у них Рейх отобрал законную свободу.

«И в чём была их долбанная свобода?» – вопрошает у себя Сериль, вспоминая, что до этого в Великом Коринфе в парламенте состояло не менее полусотни различных партий и движений, а теперь, согласно «Договору покорности», только одна политическая сила – Имперская монархическая партия.

«Договор о покорности... видимо им само это название покоя не даёт», – усмехнулась девушка, понимая, что это соглашение беспрецедентное для Империи, ибо оно дало широкую автономию региону, от своего парламента до того, что у южных Балкан есть свой Протоканцлер, входящий в Координационный совет, где собраны все владыки департаментов власти. – «И чего им не радоваться этим подаркам? Такого нет ни в одном клочке земли Империи... совсем мозги забродили после кризиса».

– Мама!

– Идём-идём!

Взяв всё необходимое, девушка взяла дочь за руку, открыла полупрозрачной карточкой дверь, и та со скрипом отворилась и так же её закрыла.

– Доучь! – раздался крепкий возглас посреди серого подъезда и Сериль обернулась. На ступенях стоит высокий мужчина в годах, на котором серое пальто, чёрные брюки и округлые туфли. Сериль приятно смотреть на седину коротких волос этого человека, на слабые морщинки и доброту в глазах; из её ладони выскользывает рука дочери, но она не пытается остановить её.

– Дедушка Карлос! – радостно закричала Марта. – Дедушка!

– Ох, внученька, – обрадовался мужчина, подняв девочку на руки.

– Осторожнее пап! – обеспокоилась Сериль. – Вы же в коридоре! Прошу, поставь её обратно.

– Хорошо-хорошо, – согласился Карлос и опустил внучку на бетонную лестницу. – Не даёшь мне с внучкой поиграть.

– Скоро Данте приедет. Я вам её отдам на выходные... там и наиграетесь, – улыбнулась девушка. – А теперь нам нужно идти.

Сериль ощутила, как её нечто в груди обволок тяжёлый змей волнения, сжимаясь и сдавливая всё. Она знает, что это из-за того, что она уже давно не получала вестей от Данте, а тревога за него каждый раз терзает её душу с непередаваемой силой. Девушка почувствовала покалывание в животе, и как её дыхание сбилось от того, что словно железная ладонь стразах за мужа давит на её грудь. Но она тряхнула слегка головой и попыталась вернуться к ситуации.

– Ты...

– Да, пап, я хочу отвести её в схолу, а затем мне нужно на работу. Сегодня вроде как должны перевести зарплату. Да и со мной всё в порядке. Просто надо выпить седативных.

– Давай тогда я её отведу в схолу, а ты пойдёшь на работу... и выпросишь там отпуск. Просто сейчас в городе не слишком спокойно и думаю Марте будет безопасней со мной.

– Да, давай. Ох, где мой Данте... кто бы меня защитил в этом городе, – сказав, девушка потёрла себя за плечи, будто ей стало холодно, Сериль действительно коснулась рука хлада от осознания, что в городе, который готов взорваться мятежами её никто не может и прикрыть и тот единственный сейчас бьётся с врагом далеко отсюда.

– Не бойся, мам. Папа скоро вернётся, я чувствую.

Трое вышли из подъезда на улицу. Лёгкий ветер подхватил короткие волосы развивая их, а прохлада ветра рассеяла остатки сонности, гнавшие девушку в объятия сна.

– Ты передавай Данте, что как только он приедет, мы махнём с ним на рыбалку. Я тут присмотрел одно место на пляже. Там рыба идёт как милая.

– Так, сначала мы с ним с ним должны съездить в отпуск.

– Вот ты мужика держишь в ежовых рукавицах. Ты помнишь, как он ради тебя того Кумира покромсал, а ты его...

– Покр-карамсал, – попыталась выговорить слово девочка. – Это как?

– Дедушка неправильно выразился. Я потом тебе расскажу эту историю, – девушка повернулась к Карлосу. – Пап, давай поменьше вспоминать о том, что было тогда... не самые приятные воспоминания.

Поговорив и обнявшись напоследок, Сериль и Карлос разошлись, когда вышли за пределы здания. Дед повёл внучку налево, через небольшую тропинку между стеной и клумбами с цветами на остановку, а женщина двинулась направо.

«Ох, милый Данте, как же ты там?» – вспомнила о муже девушка. Каждый день она с содроганием вспоминает, что сейчас её благоверный на самом краю боевых действий, защищает родину и с честью и доблестью сражается за всех граждан Рейха. Так, по крайней мере, она говорит дочери, чтобы та гордилась отцом и с поднятой головой рассказывала о папе одноклассникам, только всё получается иначе. Они – приезжие, тут им выдали квартиру, а большинство родителей в классе – это коренные жители, которым не особо нравится положение дел в Великом Коринфе. А кто-то ещё состоял в крупнейшей партии – Республиканский левый либерально-демократический фронт Великого Коринфа, которую Канцлер распустил, и она тихо уползла в тень, посвятив себя делу разжигания ненависти к имперцам.

«Так почему же Империя ничего не делает?» – снова рождается немой вопрос и с болью девушка находит ответ – Рейху нечего сюда отправлять. Части Инквизиции и Корпуса Веры растянуты по всей Империи, Гвардия Трибунала только должна через неделю закрепить здесь первые подразделения и единственной существенной силой стали военные ордена, которые ничего не делают.

Подходя к площади имени Аврелия Августина, Сериль смогла разглядеть, что по каменным плитам ступают поборники мятежа – люди с плакатами, кричащие и орущие нечто странное и сумбурное. Человек пятнадцать, в разноцветных лохмотьях и драными баннерами, не более того. Девушка смогла разглядеть, что на полугнилых досках и кусках бумаги, на новоимперском намалёвано красными, синими, чёрными и жёлтыми маркерами: «Долой Рейх», «Вставай четной народ за нашу свободу», «Поднимитесь коринфяне, во имя нашей свободы!», «ЯМЫ – коринфяне!»

Множество людей с сокрытым сожалением относятся к городским повстанцам, облачённых в нищие одежды мятежа. Сериль видит по глазам проходящих, что они рады бы поддержать митингующий люд, но бояться полиции и немногочисленных инквизиторов. Сериль не стала смотреть на это безобразие, понимая, что скоро этих мятежников заберут в участок, где скорее дело передадут в суд и отправят их в колонию. Но всё равно это не даёт спокойствия и Сериль чувствует, что некое напряжение повисло в воздухе, кажется, словно город вот-вот готов взорваться от мятежных настроений.

Миная площадь, женщина вышла на небольшую улицу, образованную между двух линий высотных зданий и ведущую на прямо в какой-то парк, чьи зелёные образы манят через прохладный переход.

– Подайте бедному нищему, – пристал тут же к девушке старый оборванец в лохмотьях.

– Ты не для себя берёшь, – Сериль потянулась к карману, одновременно смотря на нашивку синего цвета, украсившую плечо полудырявой сине-джинсовой куртки. – Ты сторонник бывшей партии.

– И чё? Ты хоть знаешь, что мы стоим за великое дело.

– Видела я таких, – фыркнула Сериль, вспоминая детство, проведённое в Пиренейской Теократии, и толпы фанатиков, которые ради «свободы от испанской диктатуры» готовы были рвать и метать. – Вы на всё пойдёте ради мнимой свободы.

– Мнимой!? Мнимой!? – разъярённо стал вопрошать нищий, почёсывая себя за чумазую грубо стриженую бороду грязной рукой. – Почему я не могу молиться своим богам? Почему я не могу заказать себе наркоты, сколько хочу? Почему я не могу вызвать себе... кхм... девок? Почему вдруг это стало преступлением!?

– Вот она ваша свобода, – усмехнулась Сериль. – Наркотики, интим и язычество... не слишком впечатляет.

– У нас был свой парламент, а не кучка марионеток на подачках у Канцлера! У нас был свой либеральной президент и независимый суд! – нищий опустил голову вниз, скорбно покачивая и приговаривая. – Всё это похерил твой Канцлер. Он отобрал у нас нашу свободу.

– Вспомните, как вы жили? – Сериль ускорила шаг, пытаясь как можно скорее миновать переулок, стуча каблуками невысоких туфель по асфальту.

– И-и-и? – возопил нищий. – Зато у нас была наша свобода!

– Ты вообще откуда взялся?

– Меня ваш Канцлер сделал таким! – нищий схватился за свою одежду. – Раньше я был крупным торговцем медикаментов... а теперь, – всхлипнул бедняк.

– А, это вы втридорога продавали медикаменты, а на самые простые лекарства задрали цен раз в десять.

– Это сущность капитализма и свободного рынка. Ты ничего не понимаешь!

– Теперь непонятна ваша ненависть к Канцлеру. Рейх вам не даёт обдирать людей, не даёт опуститься на самые глубины похоти и распутства.

– Твой Рейх ничего не стоит. Скоро вся власть снова окажется у нас. Все диктатуры обречены, – окончив тираду, бедняк сделал голос более умиленным и снова решил давить на жалость, протянув руку. – Так ты не дашь ничего старому нищему... как же твой Бог такое оценит?

Сериль положила что-то на тканевую перчатку, с обрезанными пальцами и ускорила шаг, вырываясь из объятий холодного и мрачного перехода. Grimаса лёгкой злобы скривила грязнённый лик нищего, когда он увидел, что на его ладони не звонкие яркие монеты, а всего лишь пара конфет в серебристой обёртке.

Впереди её ждёт парк, представленный небольшим круглым участком земли, прерванным двумя дорожками. Вокруг фонтана, украшенного бронзовыми статуями двуглавых орлов, всё выложено брусчаткой, которая упирается в высокий бордюр, за которым проросла зелёная изгородь из деревьев и кустарников. Сериль так и хотела бы присесть на одну из гранитных лавок и послушать журчание воды, посмотреть, как в величественных бронзовых изваяниях отражается растительный каскад, но ей нужно идти на работу.

И даже тут ревнители былой свободы не смогли удержать порыв души нечестивый от того, чтобы не измалевать одну из статуй орла надписями мятежа. «Смерть тирану», «долой Рейх и Канцлера», «Верните нам нашу свободу и богов», – прочла Сериль на одной из статуй, понимая, что эти записи долго не продержатся и скоро их сотрут.

Миновав парк, она вышла на ещё одну улицу, уложенную бетонными плитами красно-зелёной покраски и устилающих подножье трёхэтажных зданий. Тут она стала свидетелем ещё одной сцены, которую развернули митингующие:

– Разойдитесь, иначе к вам будет применена сила! – раздался голос одного из пятнадцати полицейских, которые выстроились напротив двадцати митингующих.

«Верните нам свободу», «Допустить партию свободы в парламент!», «Свободу вероисповеданий!», «Заберите вашего Христа и дайте нам богов!», «Верните индустрию интима!» – такие речи Сериль смогла прочесть на плакатах, и ей стало не по себе того, насколько люди могут держаться за ветхий закон кризиса.

– Огонь! – приказал начальник полиции.

Стража порядка положила на плечо дробовики, и раздался оглушительный залп, секундная вспышка промелькнула и мгновенно двадцать человек упали как подкошенное снопом сено, плакаты и знамёна рухнули наземь. Гражданские стали разбегаться с криками и воплями в сторону, но Сериль остановилась, продолжая краем глаза всматриваться в то, что происходит дальше. Люди не умерли, лишь с криками и стенаниями елозят и катаются по земле, держась за брюхо.

«Резиновые», – сказала себе Сериль о пулях, подкосивших народ, но девушка не полна иллюзий. Она знает, что теперь этих людей отправят обрабатывать вину на рудники шахты, а там им придётся не легко.

Мрачное лицо Сериль обратилось к дверце справа, и её крашенные губы тронула лёгкая улыбка. Она поднялась по двум ступеням и зашла внутрь, ощутив любимый аромат пряностей и сладостей, втянув лёгкими как можно больше душистого и приятного воздуха. Тут на белых кремовых полках, закрытых полотном прозрачного стекла она увидела ряд красивых пирожных. Поджаристые и запечённые различного теста складываются в удивительные формы и образы, внутри которых самая разнообразная начинка, покрытые шоколадом и глазурью, кремом с орехами и мармеладом.

В тёмно-багровых стенах кондитерской пекарни Сериль чувствует, как внутри неё разливается приёмное тепло, ей тут намного приятнее, чем на улице, где отовсюду доносится слабое завывание непокорного народа, грозящего мечтами о независимости. Из пары десятков круглых столиков занято всего три, и за ними девушка увидела одну знакомую рыжеволосую женщину, но это приятных ощущений не вызвало, и она резко отвернулась.

– Вам что-то подать? – спросила продавщица в белом фартуке и колпаке.

– Да, дайте, пожалуйста, мне два пирожных, – Сериль показала на печёные сладости, покрытые шоколадом. – Вот этих.

– Хорошо.

Ничего не предвещало беды, но тут на всю кондитерскую раздался неприятный пронзительный возглас:

– Сериль, ты ли это!?

– Ох, нет, – прошептала девушка, смотря, как в её сторону топает рыжеволосая дама, облачённая в длинное кожаное пальто, совершенно не подходящее к её среднему росту и простодушно-крестьянским лицом.

– Вы что-то хотели, Элизабет? – спросила Сериль.

– Да так... посмотреть на оккупантскую дрянь, – с ненавистью заявила женщина в пальто. – Ты же у нас жена военного. Ты же прислуживаешь тем, кто лишил нас смысла жизни, нашей политической воли.

– Послушай, тебе в прошлый раз выбитого зуба мало было, – Сериль убрала сладости в сумку. – В школе нас, слава Богу, разняли, а здесь я могу всю челюсть вычистить от зубов.

– Ничего не давать этой имперской суке! – закричала как раненный альбатрос женщина. – Гнать тебя тварь надо и выводок твой поганый!

И тут же раздался смачный шлепок, Сериль со всей силы приложила ладонью о щёку Элизабет, и та аж скрючилась, придерживаясь за лицо.

– Ох... ух, ты ответишь за это!

– А ну заткнулись! – в спор вступила и крупная продавщица. – Если собрались кудахтать курочки, то делайте это не здесь, иначе ментов вызову.

– Мы ещё поговорим, имперская поскуда.

Сериль быстро покинула заведение. Не впервой раз она сталкивается с приступами ненависти к себе и её подруги, тоже жёны военных и госслужащих имперской бюрократической машины, сталкивается с выпадами. Не такими стервозными, но всё равно от них остаётся неприятный остаток.

Сериль продолжила путь. Её ждут бумажки и кипа электронных документов, заваливших рабочий стол компьютера, ибо работа в Управлении Статистики Статистической Службы Министерства Сбора Информации Рейха по городу Великий Коринф всегда сопряжена с работой, наполненной неисчислимым количеством разного рода документации.

– Не хотите ли поговорить о спасителях наших – великих богах?

На этот раз к Сериль пристал коренастый пышнобородый черноволосый мужчина, в странном балахоне кремо-белого цвета, и размахивая какой-то книжкой продолжает её уговаривать крепким низким голосом:

– Великие боги некогда дали нам свободу... Коринфский Полис, Демократическая Эллада, Спарта – все они стали свободными, когда боги своим могучим дыханием сокрушили старый порядок.

– Кризис, разруха, алчность и жестокость – вот ваши боги, сокрушившие старый мир. Нет никоих богов, и ты это знаешь. Бог же – Един.

– А, ты боишься, что нас услышат имперские шавки и церковники. Не бойся, ибо боги зрят твоё сердце и ждут от тебя смелости. Мы проведём великий акт жертвоприношения, и они даруют нам победу над ложным правителем.

К двум подошли сотрудники полиции в чёрных одеяниях и экипированных бронежилетами с касками, а на бедре у каждого висит небольшой автомат.

– У вас всё в порядке? – прозвучал грозный вопрос.

– Да, он всё говорит про каких-то богов, – тут же, без зазрения совести, сдала девушка язычника. – Заберите его от меня.

– Что? – ошарашенно заявил жрец. – Вы не смеете? Вы попираете мои права.

– Пройдёмте с нами в отделение, – тут же схватили под руки полицейские жреца.

– Не-ет! Не имеете права!

Язычник не долго брыкался и в один момент повис на руках полицейских и им пришлось тащить его до машины, чтобы запихать и увести. На глазах девушки развернулась не первая и не последняя сцена задержания, и Сериль остаётся только гадать, сколько пройдёт времени, прежде чем жители Великого Коринфа примет Рейх и перестанут лелеять безумную идею о независимости.

Сериль снова продолжает путь, напряжённо осматриваясь по сторонам, ведь с любой стороны может прыгнуть очередной последователь свободного духа южных Балкан и облик мятежа многолик – обычные люди и даже нищие, бредящие о несбыточном. Но пытливым ум девушки задаёт себе вопрос:

«Почему здешние власти ничего не предпримут? Почему они только по одиночке отлавливают отчаянных радикалов? Вот Фемистокл, ему сам Канцлер доверил следить за выполнением соглашений, почему-то не смотрит за тем, что происходит?». Сериль невольно обращается к памяти, где звучат хвалебные фразы имперской пропаганды, которая ставила Фемистокла, как человека, второго «после Канцлера», ибо он смог целый регион привести под власть императора, без большой крови и выстрелов, а значит повелитель земель от Геркулесо-

вых столбов до града Константина ему доверяет и вверяет попечение о землях балканских. Но ничего хорошего не произошло... полицейских, которые служат Рейху, становится всё меньше, а их место занимает Милиция Балканской Автономии, которая занимается преимущественно бумагомарательством; её знакомые с севера рассказывают, что появилось какое-то подпольное движение «Свободная Македония», которое устраивает саботаж и налёты, похищает людей и грабит магазины; ненависть местных продолжает увеличиваться – «истинные греки» могут нахамить в магазине или отвести за угол и избить. А Фемистоклу до этого нет дела, он продолжает рапортовать в Рим, что всё в порядке, уверяя Канцлера, что располагать на территории южных Балкан отделения Инквизиции и Культа Государства ещё рано, что нужно подготовить почву для их водворения на землю «греческую».

Но это ещё не всё, что беспокоит Сериль. Великий Коринф – огромный город, где есть несколько отделений орденов, но и они уподобились молчаливым статуям, которые не видят, не слышат и не говорят о том, что происходит. Воины Империи словно отступили от её проблем. Тут же на вторую чашу весов ложится мысль, что они и не должны заниматься этими проблемами – их дело вести войну, а не патрулировать улицы. Но всё же, одно наблюдение её настаивает – ещё два года назад большинство воинов орденов посещали воскресные службы и мессы, а сейчас количество молящихся сократилось едва ли не в десять раз. И единственным объяснением того, что эти люди нарушают постулаты Канцлера и Церкви может быть тяжёлый труд на благо Рейха, но они только и делают, что сидят на месте.

«Почему всё так?» – от накопившихся сомнений и мыслей рождается вопрос у Сериль, но он остался без ответа, и она продолжила идти на работу среди мрачного города, покрытого вуалью напряжённого ожидания. Внезапно раздалось звучание телефона в её сумочке и Сериль мгновенно его вынула, приложив к уху.

– Сериль, это Элизабет.

– Что, опять ругать будешь? – сделался грубый голос у Сериль.

– Нет-нет, просто прошу простить за тот инцидент. Я не хотела... просто вырвалось, ты прости меня.

– Хорошо.

Элизабет положила трубку и успокоилась. Нет, в ней играла не совесть, не какие-либо светлые чувства воззвали к тому, чтобы она отзвонилась и попросила прощение, а банальный страх наказания. В её сознании появилась мысль, что если Сериль жената на капитане одного из орденов, то только одной жалобы хватило бы, чтобы упечь её куда подальше.

Рыжеволосая девушка идёт по улице и видит то, что стало с её любимым городом, то, во что он выродился. Камеры наблюдения смотрят на неё взором тысячи очей, церковники и полицейские готовы оштрафовать за любое нарушение, будь даже самое незначительное. В кармане её пальто до сих где-то валяется справка об уплате штрафа за то, что она посмела негативно высказаться об имперской образовательной политике. Ей всего лишь не понравилось, что в школе её ребёнка заставляют переучиваться на имперский язык, и при этом заставляют отказываться повсеместно отказываться от родной речи.

– Ох, Линно и Дан, – тяжело выдохнула девушка, памятуя о тех временах, когда в Великом Коринфе была свобода и она вышла замуж сразу за двух мужчин; семейная жреческая политика «Храма Геры», да и светские власти не воспрещали этого. Она понимала, что это отступление от традиций их славных далёких предков, но что поделать – так истолковали волю богов жрецы, которые первые поспешили набить свои дома жёнами и мужьями.

Но после прихода Империи всё изменилось. Её браки были аннулированы, как незаконные, всё храмовой семейное управление разогнали и теперь рейховские священники и чиновники держат семейную политику в железной клетке. Горестный ком подкатил к девушке от ощущения одиночества, ведь её сердце не смогло выбрать с кем остаться.

– Лучше бы сразу одного выбирала и с ним жила, – выдавила из себя Элизабет, понимая, что теперь ей одной придётся поднимать ребёнка, однако чувствуя где-то в глубине души, что и сожительство с двумя мужчинами для выживания не есть нечто хорошее.

Однако больше всего молодую даму беспокоит не культурное «новшество» Империи и даже не то, что все они теперь часть механизма Рейха, а то, что им, их греческой гордой нации суждено раствориться в «единой ромейской национальности». Да, пускай она не носит исконно греческого имени, но она родилась на этой земле, как и её родные. Согласно новым законам и имперским указам Канцлера любые признаки греческой национальности, в виде языческих памятников, кинофильмов, музыки и иных объектов искусства будут медленно вымываться из медийного пространства, пока их процент не станет около пяти.

Она взглядом прекрасных голубых очей посмотрела по улицам. Ещё недавно у многих зданий возвышались таблички, в честь каких героев Великого Коринфа были названы улицы, библиотеки, кинотеатры и школы, воевавших на множестве полей сражений, но ещё вчера их содрали и вот-вот начнётся тотальное переименование. Старый Коринф, до которого она добралась с северного района Нового Коринфа, построенного на месте города «Лутраки», не так давно веял духом древней Греции, и ему помогал контраст с севером, который застроен высотками, но сейчас он медленно вливается в «культуру Империи», в плавильном котле которой предстоит расплавиться всему старому греческому самосознанию. Тяжело вздохнув, она пошла дальше, домой, лишь надеясь на то, что когда-нибудь всё станет как прежде.

Глава 3. Горечь битвы

Этим временем. Крит.

В небольшом помещении стоят два человека, пространство между ними разделено тактическим электронным столом, где на ионно-синих панелях в ансамблях световых проекций и отражений развернулось настоящее поле боя. Комната не являет собой образ бункерного укрытия, совершенно наоборот, складывается ощущение, что тут живёт богатый лорд или аристократ. Белые стены, с деревянно-ламинированным подножьем, под которым проходят перекрытия тепловых коммуникаций, по углам расставлены изысканной работы горшки с цветами, широко раскинувшими листья, отчего складывается впечатление, что это наполовину дендрарий. Шкафы с множеством книг и обтянутые кожей, покрашенной в томный коричневый цвет, кресла, вместе с прекрасной люстрой, звенящей мотней изумительной работы стекляшек, добавляет утонченный дух к антуражу. Источником света стали два больших окна, покрытых изощрённой работы стальной сеткой.

– Господин Марон, – обратился рослый статный светловолосый мужчина, с небольшой бородкой и треугольными пропорциями лица, стоящий ближе к окну, взглянув на собеседника коньячными глазами. – Герцог на нашей стороне?

Оба человека одеты в одинаковую одежду, отражающую их военный статус... их положение при Императоре. Чёрный кожаный камзол до колен, расшитый золотыми нитями и прикрывающий брюки цвета угля, которые слегка налегают на остроносые туфли. И на каждом камзоле, на левой стороне над сердцем сияет золотая нашивка, на которой виднеются чёрные буквы, отразившие статус сих людей – «Консул».

– Нет, господин Лиро, – ответил среднего роста мужчина, с длинным до плеч каштановым волосом, прямоугольно-пропорциональным ликом и глазами цвета шартреза. – Доуху совершенно не на нашей стороне. Но со времён битвы за Иллирию его... уверенность в компетентности сами знаете кого пошатнулась.

– Ох, Иллирия и Эпир, сколько они забрали его верных сынов, – губы консула тронула странная улыбка. – А вы сказали, что там превалировала воля высшего?

– Всенепременно, господин Лиро. Ох, вспомните, как он вёл войска в битве за Иллирию.

– Точно. Их потерю под Эпиром он трудно пережил. Как вы тогда, господин Марон торжествовали, как вы радовались гибели людей.

– Лиро, – губы другого Консула тронула зловещая улыбка. – Нам заповедывает наш повелитель выжимать из союзников всё по максимуму. Я не такой прямой и тупой, как наш друг Каратос, а поэтому буду использовать венецианский ресурс, умно, нерасточительно, но убийственно. А вы, Лиро, видимо полны сожалений к тем, кому бы не стоило.

– Нет, господин Марон, просто нужно быть аккуратней, иначе величайшая задумка его может не сбыться. Вы же понимаете, как важно наставить на путь правильный нашего дорого друга, убедить его в том, что все действия – воля того, кто правит из Рима.

– Но герцог всё ещё считает волю тирана нечто правильным, однако я вынужден заметить, что у него появились колебания.

– Правда, господин Марон, а в чём это выражается? – спросил мужчина, приложив руку к белой бороде. – Я хотел бы это услышать, поскольку тогда мы сможем оказать существенное давление.

– Боюсь, эта информация конфиденциальна, господин Лиро, – Марон провёл рукой над тактической картой. – Я предлагаю вернуться к надзору за армией, иначе мы не принесём сладостной победы для нашего Императора.

– Солидарен с вами, господин Марон, – сказал человек и убрал руку от бородки, аккуратно касаясь клавиши возле стола.

Секундный писк сменился на эхо статики и помех, которые звучали секунд десять, после чего раздался громкий мужской, немного хрипловатый голос:

– Герцог Доуху Рэ на связи!

– Доложите обстановку, господин герцог, – потребовал Марон.

– Противник хорошо закрепился в центре города Иерапетра, а подступы защищены укрепленными районами и прикрываются корабельной артиллерией противника. Мы находимся в пригороде и ведём тяжёлые бои против армии Великого Израиля и Турецкого Султаната¹³.

– Продвигайтесь дальше и займите центр города, – заявил Лиро. – Так требует генерал.

– Мне бы не помешала поддержка вашего ордена Поборники справедливости, господин Лиро. Или Чёрные судьи Марона помогли бы нам выбить противника.

– Эм, простите герцог, но сейчас мы не можем оказать вам поддержку. Так же мы бы хотели, чтобы вы заняли дворец Солнца у озера Брамиана. Там, судя по показаниям разведки содержатся важные данные. Командирская флэшка с полумесяцем на корпусе.

– Тогда пусть этот приказ будет надлежаще оформлен и передан мне через вышестоящих командиров.

– Вместо орденов по нашему прошению к вам был направлен Деций Аристофан на своём линкоре «Непобедимый» при поддержке его ударного флота. Мы надеемся на вашу поддержку, господин герцог. Конец связи.

Стратегическая карта, передающая фотографии и проекции битвы, считанные с парящих в небе дронов, запыхала новыми передвижениями и маневрами, и консулы впились в неё глазами, наблюдая за тем, как идёт битва. Прежде чем полностью окунуться в рассмотрение на зрелище, Лиро томно сказал:

– Передай Гарсиа, чтобы поднимал своих птиц и ждал приказа...

На другой стороне Крита, которая изображена на карте во всю пылает жар боя. Положив рацию, могучий воин вернулся в горнило битвы. Вокруг него рокочут сотни орудий, артиллерия месит квартал за кварталом, а над головой небо разрывается от рёва реактивных истребителей, и кажется, что всё вот-вот поглотит неугасимый пламень войны.

Но пара секунд для мужчины стала вечностью, чтобы он помянул в памяти тех, с кем говорил. Марон и Лиро – славные консулы Империи для Доуху Рэ, которых он впервые встретил пять лет тому назад на церемонии подписания договора об автономии Балкан. Они ему показались добродушными и открытыми, своей чистотой и честностью, чем-то смахивающие на детей, которых взрастил Канцлер. А консул Крыльев ветра – Таймураз был подобен мудрому воину-наставнику, несущему правду Рейха. Там, он узнал, что любимым занятием Лиро было высаживание пионов, ростки которых он преподнёс Доуху; Марон писал картины, одну из которых подарил герцогу, а Таймураз делал хорошие луки, один из которых был вручён Рэ. Все они были рады, что в своё время герцог стал союзником Империи и ещё больше были рады его встретить. Да и сам Доуху ад был встретить таких светлых людей, но в них со временем что-то изменилось, будто бы тень пала на их лица.

«Битва ждёт», – подумал командир и вернулся к сражению.

Не менее тридцати воинов расположились в ложе от снаряда, прикрытые трёхэтажными остовами сгоревших до тла и разрушенных зданий, которое похоже на зловещий каскад костей тела былого мира. За ними медленно по городку растекаются солдаты трёх мотострелковых

¹³ Великий Израиль, Аравия и Турецкий Султанат – государства ближнего востока, сформировавшиеся под конец Великого кризиса. Каждый из них являет воплощение той или иной «национальной идеи». Израиль стал местом возрождения иудаизма и сионизма, и государством родовых священников, где всё подчинено правилам Торы и религиозных предписаний. Аравийские Эмираты сделали упор на ислам и его постановления, создав религиозное государство. Султанат же опирается на идеологию сильной государственной власти, чем-то похожую на идеи «Рима», только с восточным оттенком.

бригад, мотопехотного полка и четырёх батальонов технопехоты. При поддержке тяжёлого вооружения и бронетанковых колонн они бились с равным по силе и возможностям противником.

Три десятка бойцов в пёстрой броне, ставшей гвардией герцога, на самом острие атаки, готовы пройти дальше, впиваясь в плоть обороны противника. Их торсы покрыты малинового цвета плотным панцирем, исцарапанными шальными пулями, который переходит в небольшую доспешную юбку, покрытую нежно-красными накладками, тёмно-кремового цвета налегающую на такого же цвета штаны. Землю топчут чёрные толстые сапоги, защищённые щитками с бело-малиновой раскраской. Руки защищены наплечниками с белой сердцевинкой и светло-алой окантовкой и перчатками с броневым покрытием. Ничьих лиц не видно, ибо они за масками шлемов, которые украшены пёстрым гребнем цвета крови.

– Господин герцог! – раздалось обращение от воина. – Противник приближается! Не менее роты обычной пехоты Аравийских объединённых эмиратов!

На это отвлёкся один воитель, не похожий на остальных тем, что у него шлема нет, и его голова открыта, а элемент защиты зажат в руках, пластина на груди украшена гербовым львом. Карие глаза на измученном лице с прямоугольными чертами, которое покрыто тенью приближающейся старости, уставились на солдата и его взгляд встретился с двумя безжизненными тёмно-зелёными линзами шлема.

– Отряд, нам нужно пробиваться теперь на юго-запад, – сказал воин и облачил голову в боевой шлем, и тут же серебристая седина пропала под малиновым покрытием брони, а обычный взор на происходящее заменил тактический интерфейс. – Там будет дворец противника.

Три десятка солдат подняли карабины, представленные большой малиновой коробкой, под которой прямоугольная батарея, покрытая металлом, от которой исходит серебристый ствол и укрупнённое дуло.

Небеса разразились грохотом и сверкнула яркая вспышка молнии, озарившая синюшнее тяжёлые облака, от горизонта до горизонта выстлавшие небосвод. Через секунду по доспехам застучали капли дождя, уподобившись зловещей дробью барабанов войны.

– Воины, выступаем! – отдал приказ один из бойцов. – За мной, цепью!

– Постойте! – прервал его герцог. – Что скажет наше информационное обеспечение? Вы, господин, только вчера же прибыли?

Одна из точек в пространстве между солдатами замерцала и заиграла искажениями пространства, а затем из пустоты явился ещё один воин, голова которого покрыта капюшоном, а тело сверкает металлическими частями и алым плащом. В его руках архаичного вида оружие, похожее на длинную винтовку, а вместо магазина барабан, в котором видно слабое синее свечение.

– Вы звали, меня, господин? – раздался металлический холодный голос. – Да, я только вчера тут присутствую.

– Да, Андронник, что ты можешь сказать об обстановке и куда нам топать? И как скоро мы оттуда сможем выдвинуться к середине города?

После вопроса все обернулись на техновоина.

– Так точно, господин герцог. Наша цель находится в километре на юго-западе на побережье и анализ данных показывает, что противник собирается перейти к обороне, а затем отступить. Контратаки не предусматриваются.

– Спасибо. А что касается центра?

– Да, я вынужден задать дополнительный вопрос для более точной формулировки ответа, – Андронник на секунду остановился. – Вы хотите получить аналитические данные касательно прибытия к центру города, потому что сейчас в том направлении бои ведёт ваш сын?

Доуху нахмурился, но понимая обстановку спокойно ответил:

– Я не думаю, что это имеет значение.

Андронник, обращаясь к процессорам, дополнительно установленным к мозгу, понял, какие эмоции скрыты за этими словами герцога, а поэтому подбирает наиболее подходящий ответ:

– Нет. Судя по данным о состоянии вражеской обороны, приблизительное наше прибытие к центру составляет не более трёх часов.

– Хорошо, выдвигаемся!

Андронник влился в отряд герцога, к которому его прикрепили вчера. Киберарий на мгновение обратился к архивным данным о том, кому теперь он несёт службу и если бы у киборга остались чувства, он испытал бы восхищение этим человеком. Смотря на ранец за его спиной, Андронник прокручивает информацию, переводя её в мысли – «Доуху Рэ – Герцог военного благородного собрания, предавший Большой совет владык аристократов¹⁴ ради идей Канцлера и возглавивший войска, перешедшие на сторону Рейха».

Остатки Венецианской гвардии сейчас окружают герцога и готовы идти за ним хоть в адово пекло, ибо больше верности они питают не к Рейху, а к своему господину, которому дали клятву служить до смерти.

Андронник плавно движется возле отряда, анализируя звуки, доносящиеся отовсюду. Помимо воплей раненных, трезвона перестрелок и грохота снарядов да грома, киберарий ясно слышит топот подошв сапог и поверхность асфальта, который устилает улочки между полуразрушенными кирпичными двухэтажными и одноэтажными зданиями. Шарканье обуви становится всё отчётливее, и аудиосенсоры ловят странную речь, которая ретранслируется в знакомый текст: «Обойдём их и ударим с тыла».

«Что же это за язык?» – задал себе вопрос Андронник и поисковые системы сознания мгновенно обнаружили нужные ключи и базы данных, из которых вывели лингвистическую сущность – «новый иврит».

По дороге им попадается разбитая бронетехника, витиеватые линии колючей проволоки, разбросанные груды камней и кусков строений, а так же неубранные тела погибших при авианалётах и бомбардировках. Продвигаясь по длинной серой улице, ставшей картиной застывшего ужаса, отряд практически покинул пределы строений и ещё пара десятков метров ему остаётся до чёрного от павшего дыма и смога песка, на котором со слабым хрустом колышется чёрные поросли выжженной травы.

Внезапно киберарий остановился, посмотрев на свои руки, которые расчерчены струйками дождевой воды, но созерцание моментально перешло в действие. Он коснулся трубы на поясе и поднял её к небесам.

– Что он вытворяет? – недовольство вопроса прозвучало в эфире.

Скорректировав траекторию, он нажал на кнопку и со свистом вылетел снаряд, который жужжащим волчком взметнулся в небо и яркой кометой рухнул за ближайшим зданием. Через секунду раздались крики и истошный вопль.

– Бойцы, приготовьтесь отразить нападение! – отдал приказ герцог и отряд мгновенно рассеялся у бронетехники и осколков разбитых зданий, которые в спешке свалены в укрытия.

Из-за строений дальше по улице на улицу хлынули люди, на которых Андронник разглядел песочно-оливковую форму – бронежилеты и щитки, шлемы и куртки, и даже берцы с оружием одной расцветки.

– !הקרוב המשיח להפארת!, – раздались громогласные и торжественные крики со стороны противника, и Андронник быстро перевёл речь: «Во славу грядущего Машиаха!».

¹⁴ Большой совет владык аристократов – главный орган управления Венецианской аристократии, государства с ветвистой и трудной системой управления, построенном на принципе благородства крови и знатности рода.

Быстро завязал перестрелка. Солдаты Великого Израиля атаковали волной в полсотни бойцов, рассредоточившись у укрытий, и улицу мгновенно затопил свет от плевков яркого света, исторгнутых от короткоствольных орудий. Имперцы ответили оглушительным взрывным лязгом карабинов, вздымавший асфальт салютом мелкой крошки.

Андронник ушёл во тьму небытия, и под покровом невидимости сблизился с противником, не издавая не звука, пока мир вокруг него наполнился интенсивным треском и громыханием. Герцог, и пара его солдат, сосредоточили огонь на одиночных целях, пытаясь групповыми залпами уничтожить по одной мишени, и вскоре противники стали падать наземь один за другим, с разбитыми бронезилетами и дырами в груди. Киберарий же пошёл на хитрость и, подступив к позиции врага, сдёрнул с себя пару гранат и швырнул их за спины неприятеля. Послышался взрыв схожий с тем, если бы разбилась сотня стёкол одновременно, на фоне которого звонкие хлопки. Острозаточенные как лезвия бритвы осколки рассыпались, поражая всякого, с аппетитом впиваясь в мягкую плоть и на сумасшедшей скорости прошивая защитную экипировку.

Киберарий сунулся из-за укрытия, взобравшись на возвышение из кучи строительного мусора обрушенной стены, оказавшись под сенью ржавой электронной вышки. Свистящие залпы озарили дуло винтовки, а трасс пуль прочертил яркую траекторию и спустя мгновение весь барабан был опустошён, заливая вражеские ряды двадцатью свистящими снарядами, которые прожигали броню, и воины армии Великого Израиля стали падать один за другим.

– Отряд, наступаем! Подавить противника!

Приказ герцога немедленно взялся к исполнению и «венцианские легионеры» юркнули от укрытия до укрытия, обсыпая неприятеля градом убойных снарядов. Карабаны то и дело грохочут и дрожат, а враг пятится назад под смертоносные аккомпанементы винтовки Андронника.

– *חַסְדֵי יְהוָה כִּי לֹא יִשְׁכַּח*, – раздалась команда меж оставшимися двумя десятками бойцов той страны, и они бросились наутёк, под непрекращающийся звон орудий имперцев.

«Про видимому, этот отряд Великого Израиля не был готов столкнуться с элитой имперской армии, не имел подготовки и опыта ведения боя с лучшими воинами императора», – такая мысль посетила Андронника, когда он спускался с горки.

– Приём, отец! – раздался радостный голос из передатчика рации, встроенного в шлем герцога. – Приём!

– Да, Жак! Как же я рад тебя слышать. Ты сейчас где?! – моментально ответил Доуху, забыв про всё на свете. – С тобой всё в порядке?

– Я подхожу к центру! Мы ведём тяжёлые бои возле улицы Мпаритаки. Я тут перехватил их передачу.

– И что же они вещают!

– Говорят, что штаб сформирован в городском порту. Я уже запросил разрешение со своим полком туда пробиться, жду ответа от генерала.

– Что ж, хорошо. Дерзай и будь осторожнее. Вспомни историю военного дела и сверься с руководством воин, так как впереди могут быть засады.

– Ничего, прорвёмся, – слышится бодрый голос, доносящийся с помехами.

– И помни, ты не можешь там умереть. Как это всё кончится, я хочу отвести внука в миланскую галерею, и ты лично мне его передашь.

– Это уже учтено. Ты меня очень хорошо научил. Всё, конец связи!

– Конец связи, сын!

Спустившись и шаркая по асфальтовой крошке, Андронник перекинул винтовку за спину и сблизился с герцогом и взор диодных, ярких как раскалённый уголь очей встретился с таким же прохладным взором, за непроницаемыми тёмно-зелёными линзами.

– Господин герцог, я вынужден вам дать предупреждение о том, что ваша эмоциональная привязанность может послужить препятствием для выполнения поставленной задачи.

– Прости, но это тебе чувства не ведомы, и ты не знаешь, что такое любовь. Я помню, что раньше было всё иначе, но сейчас это для тебя всего лишь пустой звук.

– Господин герцог, это помогает мне выживать, а теперь давайте вернёмся к выполнению задачи.

Андронник отвернулся от Доуху и пошёл вперёд, став впереди всей группы, которая устремила за ним. Отряд вышел на поверхность земли, устланную почерневшим от гари песком, и перед ними открылась картина – огромный дворец, похожий на коробку в виде одного здания на фоне озера, в котором плескается мутная вода, на чьей поверхности колыхнется слой мусора, а берег устлан кучами гниющих отходов. А само здание, некогда выстроенный в стиле рококо, выкрашенный в игриво-голубые цвета, и построенный с архитектурной капризностью и лёгкостью трёх этажей, превратился в осунувшуюся грудку камней, стекла и металла, окружённый окопами и укреплениями, оштетинившийся пулемётными гнёздами и пушками, ставший ещё мрачнее под сводами мрачных облаков.

– В атаку! – приказал герцог, и отряд ступил на мокрый песок, вознеся перед собой карабины.

Противник был ошарашен, что имперцы начнут наступление открытой цепью и тут же ответили звенящим огнём множества орудий. По доспехам ударили лёгкие попадания, не приносившие вреда и только царапающие малиновые корпуса брони.

Андронник мгновенно лёг, и приложился к оптике винтовки, поймав в перекрестие прицела стрелка на первом этаже постройки. Залп и противник с пробитой грудью упал назад, ещё один выстрел, похожий на щёлканье, и второй враг опёрся на щиток эпохального орудия.

– Пулемётная точка! Второй этаж! – кричит Доуху, пытаясь достать её совокупным огнём карабинов.

Андронник мгновенно среагировал, и его винтовка отпустила пулю в полёт, которая насквозь пронзила врага, и орудие моментально смолкло, но это не было концом, ибо новые расчёты занимали позиции у окон и Андронник стал методично выкашивать их.

Тем временем герцог продолжал наступление. Его гребень едва срезан энерго-лучом, нагрудная пластина исцарапана, а руки начинают болеть от веса и отдачи тяжёлых карабинов, сила которых убийственна. Он прыгнул в окоп, соскользнув по мокрому песку, и залил кучным огнём врага – их тела буквально порвало от орудийного напора и стены укрытия оросились алой кровью. Герцог мельком выцепил очертания одеяний, что на враге одежда иная – пятнистые песчано-золотистые штаны едва прикрыты тканью светло-жёлтого плаща, который на груди утянут бронежилетом, похожим золотистый доспех, и только шлем похож на что-то современное.

«Воины Аравии», – сказал себе герцог, но его внимания требует битва. Из другого окопа показались два отделения, чьи длинные орудия воссияли огнём плотной стрельбы и Доуху немедленно с этим покончил. Граната «Инферно», упавшая под ноги арабам, мгновенно превратилась в ревуший столб жаркого пламени, сожравшим в адском огне большую часть отделения.

Герцог выбрался из окопа, продолжив идти. Всюду вздымается песок в воздух, осыпающий солдат, гибнут люди, выдавая неестественно-истощенные крики, сотни пуль и энергетических копий расплосовали пространство. Он видит адские картины ристалища, как горит вокруг поле боя и как его воины продолжают нести тяжёлый долг, возложенный императором. Неожиданно из глубин зданий рванул поток сине-раскалённой энергии, которая толстым лучом ударила в грудь одного из венецианцев. Воин встал, словно застыв в неверии того, что его смогли поразить с зияющей дырой в груди, опустив карабин, и через секунду его тело обволоклось в слой намокшего песка.

- Проклятье! – возопил один из солдат. – У них лазерная пушка!
- Андронник, можешь её засечь!? – разорался герцог. – Они нас раздавят!

Киберарий перевёл оружие на третий этаж и стал смотреть в окно, откуда вылетел смертоносный поток энергии, в поисках наводчика и стрелка, но не видит их, лишь сверкающее длинное дуло. Андронник не сомневался ни секунду, отцепив барабан и вытащив погруженный снаряд, вместо них взведя в винтовку патрон с красной металлической оболочкой и заострённой пулей.

Дуло страшной пушки снова засияло и через мгновение оно даст убийственный залп, но Андронник этого не допустит. Его винтовка издала взрыв, словно маленькая пушка, плечо бешено завопило от боли, но металлические кости даже не повредились и с клубом яркого огня пуля вылетела. Ствол лазерной пушки сильно изогнулся, и пуля в него вошла наполовину, а через мгновение поток энергии выплеснулся из генератора, ударившись в металлическую преграду и за мгновение, расплавив искажённую стволину.

Выстрела не было, он умер ещё на старте и больше это орудие не потревожит имперцев, однако его ценой стала винтовка киберария, некоторые детали которой от несоизмеримого напряжения деформировались, а ствол пошёл трещинами.

- Спасибо, Андронник!

Киберарий поднялся с песка, оставив на ней лежать своё оружие. Теперь в его руках два гравированных пистолета, выполненных в стиле кремневого оружия, которые лишены благ энергетического оружия. Но в ручке похоронена обойма на пять патронов, которые хранят в себе поджигательно-разрывной снаряд и с этим оружием Андронник ринулся навстречу битве.

Герцог практически приблизился к дворцу, устлав свой путь ковром изодранных трупов и разорённых огневых точек, однако сейчас он встретился с куда более странным оружием. Развёрнутая СВЧ-пушка, прямо у высокой лестницы входа, укрытая мешками с песком и пулемётчиками, хранившими боеприпас для близкого контакта. Доуху осмотрелся и увидел, что все его люди прижаты к земле – кто-то в окопе, а кто-то лежит за импровизированным укрытием и ближе им не подойти, ибо СВЧ-пушка превратит их в пепел, и не высунуться, ибо пулемётчики массивным огнём отсекают любую попытку наступления.

- Что будем делать?! – кричит в рацию один из венецианцев. – Противник окопался.
- Гранатами их!
- Они защищены!

Казалось, возможности пробиться дальше по фронту нет, ибо враг тщательно подготовился, однако помощь пришла совершенно неожиданно, через канал связи шлема герцога:

- На связи Мастер-защитник Фемистокл. Ответьте, господин герцог.
- Моё почтение, Герцог Доуху на связи. Мастер-защитник, что вы хотели?
- Я послан славными Консулами для оказания поддержки вам. Укажите цель, и моя полевая артиллерия всё выполнит.

«Вот это превосходно!», – обрадовался герцог и моментально обратился к планшету, восторженному в перчатку и переключился на тактическое синее поле карты, парой ударов об экран, оставив пометку.

- Вы получили данные?
- Да, господин герцог. Через минуты мы всё накроём огнём!
- Приношу огромнейшую благодарность!

Глава венецианской гвардии сорвал с пояса гранату и швырнул в паре сантиметрах от себя, спустя один момент она зашипела, и от неё в воздух взметнулось белое облако, накрывшее своим покровом всё над землёй, укрыв одеялом скрытности имперцев.

- Воины, отступаем как можно дальше! Сейчас тут начнёт работать артиллерия!

Под отчаянную и беспорядочную работу пулемётов слуги императора отошли, убежали как можно дальше, запрыгнув в опалённые и окровавленные окопы, ожидая устрашающей кары, которая явилась со страшным громом.

Разрывы артиллерийских снарядов накрыли предместье дворца и само строение, поднимая в воздух куски камня и засевших у окон противников. Земля затряслась от ударов орудейного молота, забивающий гвозди в оборону противника. Герцог ощутил, как спине забили куски земли и маленькие камешки, а затем в его окоп прилетел выданный кусок металла от СВЧ-пушки и погнутый пулемёт, превращённый в стальной шлак.

Орудия смолкли, и наступила тишина, прерываемая далёким эхом битвы и, выйдя из окопа, герцог и его солдаты узрели, что теперь стало с обороной врага. У подножья дворца разбросаны кучи камней, упокоившихся во множественных воронках, вместе с изуродованными телами воинов Турецкого Султаната, а само величественное здание стало на этаж меньше, ибо третий его ярус теперь разбросан по всей округе.

– И как мы теперь будем искать эти данные?

– Дождь, – обратился герцог, повернувшись к одному из воинов. – Выбери десяток гвардейцев и прочеши строение. Начни с подвала. Ваша задача – найти флэшку с полумесяцем на корпусе. Остальные – занять оборону, проверить оружие и подготовиться к столкновению! Выполнять!

Пока звучат приказы командиров, герцог снял шлем, обнажив седовласую голову и осмотрев выразительными карими глазами поле битвы, ощутив тошнотворный запах боя и потерев нос.

– Отец! – раздались слова, сопровождаемые треском из рации в шлеме. – Это у тебя там была расколбасная свистопляска?

– Как ты выражаешься? – лёгкая улыбка тронула худые губы. – Твоя мама с филологическим образованием упала бы в приступ негодования, если бы услышала, как ты говоришь.

– Прости отец, я имел в виду... концерт артиллерийских орудий, превосходно исполненный супротив вражьей публики.

– Вот это лучше, Жак. Да, это нам милостивый сударь предоставил возможность насладиться столь предивным исполнением оркестра военного искусства. Ты как там? Не подводишь нашу венецианскую честь?

– Я развернулся в одном доме. Жду колонну бронетехники, чтобы продолжить ход к вражескому штабу. Как там мама? Ты с ней давно общался?

– Ты даже не удосужился ей позвонить вчера? – нахмурился Доуху.

После этих слова прозвучало холодное возвешение Андронника:

– Господин, я не думаю, что целесообразно вести подобные разговоры в разгар боевого противостояния.

– Прости, я вчера был занят подготовкой. Нужно было много собрать для того, чтобы сегодня всё прошло по маслу.

– Ладно-ладно. Понимаю. С Сильвой всё в порядке. Рассказывает, что работать в новом ВУЗе просто прекрасно – интеллигентный коллектив, порядочные студенты и хорошая зарплата.

– Это хорошо.

– Слушай, как освободишься, давай всей семьёй посидим? Помнишь, как в старые добрые времена, когда мы выезжали загород? Ты воровал яблоки у дедушки Сино, а мама всегда готовила твой любимый малиновый пирог.

– Да помню. Давай я возьму свою жену и сына и там посидим? В нашем старом доме?

– Да, будет хорошо. Эх, скучаю я по этим временам... по скорее бы закончилась эта война.

– Да, я тоже по ним скучаю. Детство... тёплые воспоминания. Ладно, мне нужно выдвигаться. Конец связи.

Связь прекратилась и голос пропал. Андронник, стоявший возле герцога наблюдал за ним, смотрел за его мимикой, но нечто архаичное, человеческое, воззвало в киборге следить за глазами, ибо они есть зеркало всех эмоций и чувств. И там Андронник увидел человеческие умиление и печаль, радость и счастье, негасимым светом воссиявшие в душе мужчины.

– На твой взгляд я очень странный? – спросил герцог у киберария. – Прошу простить, если я неправ, но наличие семьи, эмоции и чувства – это обычные человеческие качества или ты забыл об этом? Да, конечно же, забыл... сколько лет прошло с тех пор? Век или два? Ты и сам не помнишь.

– Нет, господин. Я всё помню, только стараюсь эти архивы данных забыть, как можно сильнее, поскольку они мешают моим исполнительным процессам. Что было, того – нет.

– Как же ты бежишь от всего, что было? – усмехнулся герцог. – Ещё вчера ты вёл бои с директориалами и республиканцами, а сегодня напросился на фронт с Великим Израилем и Аравийскими Эмиратами. Что тобой движет, что ты как одержимый носишься из одной битвы в другую?

– Долг, – был отдан холодный ответ и герцог смог заметить лёгкое, практически миллиметровое движение диодов киберария, которые уставились в сторону левой руки, а там, на безымянном пальце Доуху разглядел, как палец окаймляет кольцо с потёртостями.

– Ох, мой металлический друг, я так не думаю. Может, скажешь, какая надпись раньше красовалась на твоём кольце?

– Думаю, эта информация конфиденциальна, – холодной речью ответил киборг, в которой дрогнуло нечто похожее на человеческую дрожь, и киберарий моментально сменил тему. – Скажите, как вы перенесли потери в битве за Эпир и Иллирию.

– Ах, Эпир и Иллирия. Осколки гнилого мира, в котором не было места человечности и порядку. Я мог сказать, что на тех побережьях мы оставили очень много людей, но и победа была сладка.

– Она была сопровождена огромным количеством потерь.

– Это так. Пирр бы нам посочувствовал бы, узнав, сколько мы потеряли в те дни. Мне жалко моих ребят, которые умирали в битвах с Иллирийской Тиранией и Эпиром, я каждый день сожалею о том, что мне пришлось видеть их смерть на улицах городков и столичных проспектах, но они умерли ради великой цели, – гордо заявил герцог.

Андронник стоит молча и слушает венецианца, обдумывая следующие вариации боевых действий, как вдруг Доуху сам меняет тему:

– Вот закончится скоро война, уйду работать инструктором в армию.

– Хотите, чтобы смерть вас встретила в кресле-качалке, а не поле боя? – раздалась холодная речь.

– Это прекрасно, что ты используешь подобные обороты, ибо в тебе не до конца возобладали машинное начало, – приятно улыбнулся герцог. – Да, ты во многом прав, да и хочу посвятить остаток жизни воспитанию внука... и внучка вот-вот скоро будет. Знаешь Андронник, после сегодняшнего боя, я думаю, мы отметим с тобой начало новых времён.

– Не думаю, ибо анализ данных показывает, что начатые войны не закончатся ещё очень скоро, – киберарий кинул бесчувственный взгляд на левую ладонь. – Да и опытным путём могу вам доказать, что ещё долго будут происходить боевые столкновения.

Герцог лишь понимающе кивнул Андроннику, понимая, что им ныне больше движут системы, анализы и вычисления, а не человеческая надежда, чаяния, мечты и грёзы, и поэтому решил разбавить разговор более приятной темой:

– Знаешь, сегодня мы точно посидим. Я, ты и мой сын.

– Жак?

– Да. Я думаю, вы с ним найдёте общий язык.

– Вы так тепло относитесь к сыну, так заботитесь о нём, что позволили ему оказаться в самом ожесточённом месте фронта?

– Он сам так пожелал. Он сказал, что его честь не позволит ему отсиживаться в тылу, и он сам решил выйти на бой. Ты бы знал, ты бы только знал, каким он рос в Венеции, – очи герцога наполнились внутренним светом. – Справедливым и мужественным, всегда помогал нищим и поддержал Рейх, когда Канцлер приблизился к городу.

– Что ж, ваш сын тогда действительно благородных кровей. И это милость Господня, что он у вас есть.

– Ох. Ты бы... видел его. Видел бы его семью и поверь, даже твой сердечный мотор это тронуло бы. А его жена. Миранда – выпускница института права. Ты бы видел их свадьбу, Андронник, видел бы их сына. – Герцог взглянул на Андронника, и киборг смог разглядеть в глазах собеседника ничто иное, как самое настоящее счастье. – Андронник, ты бы знал историю про то, как он познакомился.

– Я думаю, вы когда-нибудь поведаете мне эту историю, господин герцог, – хладно сказал воин металла. – А сейчас нам необходимо вернуться к выполнению боевой задачи, как того требует военная доктрина Рейха.

Доуху, улыбнувшись, обратил свой лик к земле, посмотрев на шлем. «Ох, бедный-бедный Андронник. Сколько же тебе пришлось пережить, чего натерпеться. Если бы я столько через столько прошёл, то собственноручно вырвал себе сердце и заменил бы его на мотор».

– Господин герцог, приём! – раздалось из шлема. – Господин герцог, выходите на связь!

– Да, герцог на связи, – ответил Доуху, шевеля губами прямо у поднятого шлема. – Господин Консул Лиро, что вы хотели?

– Доложите, где вы?

– Мы сейчас на позиции у дворца, мои солдаты его прочёсывают с целью поиска флэшки.

– Хорошо... очень хорошо, – раздался самодовольный голос.

Вдалеке отсюда, на западном краю острове, в небольшом кабинете Лиро взглянул на Марона, почёсывая белую бородку, и не слышимо для герцога спросил:

– Господин Марон, вы передали нашим дружеским врагам координаты для... выполнения священной миссии. Мы уже отвели нашу цель от места прокола...

– Да, – коснувшись каштанового волоса, ответил Консул. – Мы же не хотим упустить герцога... такой человек необходим нам для нашей великой миссии.

– Тогда, следует передать нашему генералу в статусе губернатора просьбу о том, чтобы он посадил семена... горя.

– Хорошо. Я всё передам, – Консул снова активировал передатчик и его голос прозвучал на поле боя. – Господин герцог, мы только что получили данные, что во дворце нет данных, которые мы ищем. Возвращайтесь к выполнению первоначальных задач.

– Что!?! – вознегодовал герцог, и часть его воинов обернулась на него. – Да как так!?! Я потерял собрата по гвардии! – возмутившись, Доуху взглянул на то, как пара венецианцев вложила оружие в руки усопшего и тихо шепчут молитвы.

– Такова воля Канцлера, герцог. Конец связи!

Герцог был в негодовании, однако всё же в нём играла радость от того, что он теперь сможет присоединиться к основному наступлению. Воин нацепил на себя шлем и активировал рацию, сухо говоря:

– Дождэ, прекращай обыск и возвращайся. У нас свои цели, – и переключив канал, его голос, более радостный зазвучал в эфире. – Жак, я иду к тебе, ты как там?

– Всё хорошо, вроде. Противник отступает к порту, и я с бронетехникой проломил оборону Великого Израиля, а вспомогательные части Аравийских Эмиратов бегут в разные стороны от нас. Сегодня Рейх восторжествует на Крите!

– Будь всегда осмотрителен. Вспомни Вара и Тевтембургский лес. Я уже иду к тебе, Жак.

– Помнишь, как ты помог мне... тогда в ВУЗе. Помнишь поединок чести – семья против семьи, когда нас стал задирать Ибрагим.

– Конечно. Дуэль чести – как такое можно забыть. Отец и сын вместе против отца и сына с другого факультета.

– Так будем же сейчас, как тогда. Вместе.

Связь прекратилась. Отряд венецианцев двинулся в сторону города, и стал удаляться от дворца, чтобы снова окунуться в бурлящий котёл уличных боёв под сенью полуразрушенных строений.

– Воины, за мной! – приказал герцог и с вдохновением повёл бойцов за собой, прямо в объятия войны.

Когда-то, очень давно на этих землях были плодородные поля, а ныне полуразбитые одноэтажные, жестяные и картонные, деревянные и пластиковые трущобы, разросшиеся во времена кризиса и пожравшие огромную территорию, через которые пролегает путь к центру города. Неожиданно из глубин трущоб по ним забили орудийные залпы, и пули со вспышками искр застрекотали по броне.

– Контакт!

Из-за дождя противника не видно, а множественные листы жести и кучи мусора скрывают позиции врага, отчего карабины венецианцев грохочут направо, прошивая всё вокруг. Герцог укрылся за бетонной стеной одноэтажки, дёрнув гранату и швырнув её за крышу. Стекольный взрыв сопровождался неистовым ором и воплями раненных, после чего командир подался из-за угла и направил в длинное пространство между домиками разрывную очередь, которая разорвала плечи и груди трём врагам.

– הקרוב המשיח הלהפארת! –

Андронник вновь слышит, как посланники Великого Синедриона¹⁵ зывают к Машиаху и, наверное, пытаются заполучить помощь от него. Киборг знает, что зовут они не Искупителя, не Мессию, а того, кто встанет против него, поэтому удивляется самому факту того, что страна, чьи солдаты против него воюют, пронесла чаяния на того, кто им так и не ответил.

Сокрытый под плащом невидимости Киберарий снова проник в тыл врага. Вычислив точки, где загнездились пулемётчики и целые отделения, без трепета в душе киборг швыряет последние две гранаты. Спустя мгновение inferнальный пламень сожрал не менее полдесятка построек, утопив их в вопящем огне, и мгновенно пальба стала реже, сбивчивее.

Киборг вынырнул из-под сени невидимости, сбросил с себя странный плащ и рёвом пистолетного огня возвестил о себе. Пули устрашающей силы попадали в тела врагов и рвали их, отбрасывали в сторону, а сам он словно танцует среди трущобных разваленок, посылая снаряд за снарядом. Мгновенно пистолеты оказываются в кобуре, и в пальцах сжалась рукоять, а возле его капюшона сверкнуло лезвие клинка. В суматохе битвы никто не смог отреагировать на молниеносно-смертоносные выпады киберария, который с мечом вступил в бой, и лезвие запело по плоти, размалевав стены алой кровью.

– Прорываемся! – приказал герцог и повёл солдат в самую кущу вражеского стана.

Израильяне пытаются удержать пёстро-малиновый строй венецианцев, но их оружие бесполезно. Вместо скорой победы они получили неукротимое отделение солдат, для которых нет дела до их оружия.

Доуху прильнул к столбу, опёрся и расстрелял из карабина двух противников перед собой. Он уже видит двухэтажные городские здания, которые идут после трущобной помойки под завесью дождя. Размазав по лицу воду и пепел гари с брони, пытаюсь почистить линзы

¹⁵ Великий Синедрион – высший государственный орган власти Израиля, состоящий из священников при председательстве первосвященника.

шлема, герцог перебежал до середины улочки, откуда расстрелял ещё пару неприятеле. Сменив магазин, и с лязгом прицепив новый, он навёл карабин дальше и только приготовился дать залп. Однако он так и не успел сделать выстрел – Андронник смертоносным вихрем выпрыгнул из здания, снеся ветхую аргалитовую стену и со скоростью швейной машинки, прошил трёх солдат, испачкав их форму волной крови и швырнув на землю, моментально спрятавшись у другой постройки.

Победа. Она вот-вот, и противник уже начинает бежать под напором пёстрых рядов венецианцев, углубляясь разрозненными единицами вглубь города.

– Господин герцог, – раздалось слова одного из воинов. – С нами связался ваш сын! Он не может до вас достучаться!

– Проклятье! – выругался Доуху, наведясь на канал сына. – Жак, что ты хотел?

– Здравствуй отец, – с невыразимой печалью прозвучали слова, и сердце герцога сжалось от предвкушения дурных слов, казалось, что само естество почувствовало, что что-то не так. – Что ж, не думал, что это случится...

– Что такое, Жак!? – беспокойно вопрошает отец, лихорадочно отстреливаясь. – Что произошло!?

– Меня окружили. Бронетехника уничтожена, все мои почти остались тут. Я... я... я не вернусь, – со смертельной меланхолией прозвучали слова из рации.

– Что!? – этот резкий вопрос пронзительно зазвучал в эфире. – Не сдавайся, я выдвигаюсь к тебе. Следуй согласно Доктрине – закрепись, и держи оборону!

– Я прошу... передай Миранде, сыну, и матери, что я их люблю. Конец связи.

Наступила резкая тишина, которая терзается короткими и слабыми выстрелами, одиночно и разрознено звучащими среди трупов. Доуху сделал шаг, как его ногу пробил одиночный громкий выстрел, и герцог рухнул под тяжестью брони, встав на колено и выронив карабин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.